ВЛАДИМИРЪ НОВИКОВЪ

РУССКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРЕЛЪ

ПАРИЖЪ

ВЛАДИМИРЪ НОВИКОВЪ

РУССКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРЕЛЪ

МИСТЕРІЯ 445-ЛѢТНЕЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦІИ

ПАРИЖЪ

© by Fédération Mondiale des Invalides
et Mutilés de guerre, Russes - Paris 1966
——— 3, rue Adolphe-Cherioux ———
Issy-les-Moulineaux (Seine). Paris - France

НАМЪ НУЖЕНЪ СВѢТЪ

(Предисловіе)

РУСЬ. РУСЬ. Вижу тебя, изъ моего чуднаго прекраснаго далека вижу тебя...

(Н.В. Гоголь)

Вѣщія, родныя, зовущія слова Николая Васильевича Гоголя я сознательно поставилъ эпиграфомъ въ моемъ предисловіи къ книгѣ «РУССКІЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРЕЛЪ». Онъ близки моему сердцу, созвучны моей душѣ, какъ все родное, завѣтное и не забываемое. Подъ ихъ таинственнымъ свѣтомъ развертывается лента мистическихъ трансформацій «Русскаго государственнаго Орла» на протяженіи 445 лѣтъ, начиная съ великаго княженія Іоанна III-го.

О содержаніи книги, объ истолкованіи авторомъ измѣненій Орла въ различныя царствованія и о мистикѣ, сопровождающей эти измѣненія, — я буду говорить меньше всего. Книга написана умнымъ, увлекательнымъ и интереснымъ языкомъ. Она раскрываетъ передъ читателемъ огромную картину послѣдовательно мѣняющейся русской жизни. Она возбуждаетъ мысли и родитъ въ сердцѣ взволнованныя чувства. Эту книгу прочтетъ каждый сынъ Россіи съ удовлетвореніемъ, можетъ быть, съ задушевной благодарностью и несомнѣнно съ пользой для себя.

Моя цѣль прежде всего разсказать о томъ, кто былъ авторомъ этой хорошей значительной книги (такой книги въ Россіи еще не было написано и издано), какъ появилась она на свѣтъ Божій, кто былъ иниціаторомъ этого дѣла и кто сказалъ послѣднее слово: «быть по сему» Надо, чтобы остался лѣтописный слѣдъ о созданіи и рожденіи этой книги. Въ заключеніе, я приведу нѣкоторыя мѣста изъ книги и попутно

изложу тѣ мысли и чувства, которыя родились у меня, когда я прочитывалъ эти мѣста. Я думаю, что за эти отклоненія отъ прямой темы меня не осудитъ читатель.

* * *

Авторомъ книги былъ, нынѣ покойный, капитанъ Россійской Императорской Арміи Владимиръ Саввичъ НОВИКОВЪ, доблестный офицеръ и хорошій культурный русскій человѣкъ. У старой русской интеллигенціи — по воспитанію, характеру мышленія и по идеямъ, — либерально революціонной, было предвзятое, примитивное, презрительное мнѣніе, — будто бы царскіе офицеры были люди малокультурные, оболтусы и держиморды, не то Митрофанушки, не то Скалозубы. По мнѣнію нашихъ прогрессистовъ, офицерамъ была чужда премудрость науки, они ее избѣгали, были въ наукѣ невѣжественны, сѣры и единственно въ чемъ они преуспѣвали, что было любезно ихъ сердцу и что отмѣчало ихъ служебное рвеніе, — это зычный голосъ, умѣнье командовать «направо, налѣво» и бить солдатамъ «морды». Я, можетъ быть, объ этомъ и не написалъ бы, если бы совсѣмъ недавно не столкнулся съ этимъ вопросомъ.

Въ распространенной русской зарубежной газетѣ появилась на эту тему злая статья бойкаго журналиста. На нее никто не отвѣтилъ. Совсѣмъ недавно у меня произошелъ разговоръ съ почтеннымъ соотечественникомъ съ университетскимъ значкомъ. Съ жаромъ и пафосомъ онъ мнѣ говорилъ о позорномъ явленіи въ русской арміи — о «мордобоѣ». — «Вы когда-нибудъ видѣли этотъ «мордобой»? спросилъ я. — Нѣтъ, не видѣлъ, но это общеизвѣстно...».

Сакраментальная фраза: «всѣмъ извѣстно»... Сколько зла причинила она Россіи. На основѣ ея строилось и возбуждалось общественное мнѣніе («всѣ говорятъ») и создавались легенды о чемъ угодно. Послѣ крушеній, потоковъ крови, безчисленныхъ жертвъ, въ томъ числѣ и офицерскихъ, было бы полезно передумать, переоцѣнить дешевенькія цѣнности, образумиться и понять, что клевету и ложь надо перестать говорить.

Владимиръ Саввичъ, по окончаніи Одесскаго кадетскаго корпуса, поступилъ въ Александровское военное училище въ Москвѣ; въ 1912 году онъ былъ произведенъ въ офицеры и выпущенъ въ 52 Виленскій пѣхотный полкъ. Съ этимъ полкомъ онъ ушелъ на боевой фронтъ, доблестно сражался за Россію, былъ тяжко раненъ и сталъ инвалидомъ. За боевыя отличія онъ былъ награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ и

орденомъ Св. Владимира 4-й степени съ мечами и бантомъ. Этими наградами онъ гордился и очень ихъ цѣнилъ.

Тутъ я опять сдѣлаю вставку. Надъ царскими орденами, медалями, мечами и лентами — наша прогрессивная интеллигенція усердно потѣшалась, осуждала этотъ способъ наградъ и высмѣивала. Внѣшній декорумъ казался ей романтическимъ пережиткомъ, ненужнымъ и даже оскорбительнымъ для человѣческаго достоинства. « Кому нужны эти побрякушки, эти украшенія груди и живота ? ». Но вотъ пришла «желанная, завѣтная» и долго жданная революція, все разрушила, уничтожила и бросила на свалку исторіи все вѣковое, священное, кровью купленное, выстраданное, чѣмъ жила, во что вѣрила и чему молилась Русская Земля. На мѣстѣ святе воцарились бѣсы. И что же вышло ?... Пришли духовно опустошенные люди, безъ роду и племени, не народъ русскій, а законченные горьковскіе босяки, человѣческіе отбросы со дна и поработили Россію. Россія запѣла новыя пѣсни во славу «героевъ чекистовъ, въ честь золотого сердца» Феликса Дзержинскаго, въ честь душегубовъ — безстрашныхъ борцовъ съ крамолой и, конечно, въ честь « великаго отца народовъ товарища Сталина »:

« Отъ края до края, по горнымъ вершинамъ,
Глѣ вольный орелъ совершаетъ полетъ,
О Сталинѣ мудромъ, родномъ и любимомъ
Прекрасную пѣсню слагаетъ народъ... »

А въ періодъ страшной, кровавой войны пѣли другое.

« Съ нами Сталинъ родной,
Тимошенко герой
И къ побѣдѣ ведетъ Ворошиловъ... »

Новая власть вмѣсто старыхъ орденовъ чести, учредила многочисленные ордена безчестія, позора и россійскаго срама. Главный орденъ былъ учрежденъ въ честь измѣнника, предателя и почетнаго параноика товарища Владимира Ильича Ленина.

Послѣ революціи В.С. Новиковъ поселился въ Германіи и былъ въ теченіи 15-ти лѣтъ декораторомъ Берлинскаго государственнаго театра. Затѣмъ, онъ переѣхалъ въ Америку, занялся художествомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ началъ писать статьи для русской періодической печати.

Я не зналъ Новикова лично. Но я зналъ его по талантливымъ, всегда интереснымъ, свѣжимъ, волнующимъ стать-

ямъ, съ незатасканными своими собственными мыслями. Его писанія были созвучны мнѣ. Я могъ считать его духовнымъ единомышленникомъ, человѣкомъ идейно мнѣ близкимъ.

О « Русскомъ государственномъ Орлѣ » онъ началъ писать давно, еще въ Германіи, гдѣ собиралъ нужные матеріалы, рылся въ германскихъ архивахъ и закончилъ свой трудъ уже въ Америкѣ. Новиковъ подробно описалъ орлов каждаго царствованія, отмѣтилъ ихъ мистическій, провидческій характеръ, обратилъ зоркое вниманіе на разныя детали и сопроводилъ описаніе иллюстраціей каждаго орла.

Рукопись труда В. С. Новикова привезъ изъ Америки Предсѣдатель Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ въ Нью Іоркѣ князь Александръ Владимировичъ Амилахвари. Онъ первый оцѣнилъ значеніе историческаго изслѣдованія о государственномъ Орлѣ и предложилъ Главному Правленію издать книгу. Князь не ошибся въ своей надеждѣ.

Главное Правленіе Зарубежнаго Союза Р.В.И. въ своей напряженной, огромной, разносторонней дѣятельности, всегда и неизмѣнно преслѣдовало и осуществляло двѣ святыхъ задачи: служеніе Россіи и служеніе инвалидамъ. Такъ было съ перваго дня зарожденія всемірной инвалидной организаціи. Почти полстолѣтія продолжается эта національная работа во славу и честь Державы Россійской.

2-го октября 1965 года, Малый Делегатскій Съѣздъ Инвалидовъ, засѣдавшій въ Парижѣ, обсудилъ предложеніе Главного Правленія. На вопросъ изданія книги о Русскомъ государственномъ Орлѣ, онъ посмотрѣлъ съ высоко патріотической точки зрѣнія. « Мы уйдемъ изъ этой жизни, а памятникъ вѣчной Россіи останется и будетъ онъ говорить потомкамъ, что и на чужбинѣ, въ изгнаніи, мы не забыли своей Родины... ».

* * *

Заключительную часть моей статьи я начну словами А. С. Пушкина. Никто не упрекнетъ великаго поэта въ реакціонности или въ мракобѣсіи. На него можно сослаться и опереться каждому россіянину, любящему свое Отечество. Вотъ что онъ писалъ совершенно свободно въ суровое царствованіе Императора Николая Павловича:

« Мысль — великое слово. Что-жъ и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль... Да будетъ же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ »...

Пушкинскую свободу мысли Новиковъ использовалъ въ полной мѣрѣ. Имъ руководила только любовь къ Отечеству и національная гордость. Передъ его глазами стояла великая, зачарованная страна, съ таинственной судьбой: паденіями и взлетами, съ ея мучительнымъ исканіемъ правды. Къ этой вѣковой русской правдѣ Новиковъ мужественно стремился шелъ нерѣдко противъ теченія. Онъ какъ будто говорилъ:

« Выйдемъ торжественно съ нашей святынею.
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное... »

Говоря о государственномъ Орлѣ въ царствованіе императора Николая 1-го, Новиковъ писалъ:

« ... Наступилъ тотъ періодъ, который русская либеральная исторія назвала « черной реакціей » и который въ дѣйствительности былъ періодомъ укрѣпленія расшатанной имперіи, то есть, тѣмъ дѣяніемъ, которое исторически было наиболѣе нужнымъ... Нельзя, оставаясь объективнымъ, не отмѣтить того, что государственное мышленіе такъ называемыхъ « реакціонныхъ » Самодержцевъ было куда болѣе дальновиднымъ, чѣмъ весь химерическій пафосъ либеральныхъ « спасителей отечества »...

Разсматривая эпоху царствованія императора Николая Павловича, Новиковъ отмѣтилъ золотой расцвѣтъ Россіи и необычайный, величественный взлетъ къ небесамъ русскаго генія. Въ архитектурѣ появился предѣльно строгій, благородный стиль, такъ называемый — « Николаевскій Ампиръ ». Блестящая плеяда писателей взошла на русскомъ небѣ, какъ незакатныя звѣзды: Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Толстой, Достоевскій, Грибоѣдовъ, Тургеневъ, Крыловъ, Жуковскій и др. Въ живописи прославили себя: Брюловъ, Левицкій, Боровиковскій... Русскую музыку вывела на міровую дорогу « могучая кучка », которой предшествовали Глинка и Даргомыжскій.

Новиковъ закончилъ эту часть изслѣдованія горькими словами вѣрнаго сына Россіи:

« ... Это и есть та « Чёрная реакція » и « удушеніе духовной свободы », которую принесъ своему народу Императоръ, гнусно названный « жандармомъ Европы ». Такова « объективная исторія »...

Подойдя къ послѣдней чертѣ, къ тому трагическому моменту, когда на географической картѣ міра исчезло дорогое, священное и пресвѣтлое имя « РОССІЯ », — Новиковъ писалъ:

« ... Ошиблись ли пророки?». Намъ не вѣдомо. Пророки пророчествовали о Россіи. Ее не стало. Новое государственное образованіе отреклось отъ ея имени и стало подъ знакъ Серпа и Молота. Но кто знаетъ, что будетъ, когда сокрушится кровавая абракадабра буквенной формулы и на ея мѣстѣ вновь возсіяетъ тысячелѣтнее имя РОССІЯ? »...

Мнѣ думается, что въ этомъ главенствующемъ вопросѣ о русской судьбѣ, В. С. Новиковъ перекликается съ великимъ писателемъ Земли Россійской Н.В. Гоголемъ. Очарованный, страстно влюбленный въ свою необъятную, необыкновенную Родину, Гоголь мучительно думалъ надъ ея грядущими судьбами:

« ... Что пророчитъ сей необыкновенный просторъ... У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль. РУСЬ!.. Не такъ ли и ты, что бойкая, необгонимая тройка, несешься!.. Что значитъ это наводящее ужасъ движеніе. И что за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ?.. Русь, куда же несешься ты?.. ».

Этотъ вопросъ о судьбѣ Россіи занимаетъ не только насъ, вынужденныхъ жить на чужбинѣ и отдѣленныхъ колючей проволкой отъ родного народа. Онъ интересуетъ весь міръ. Оттуда начался пожаръ, тамъ источникъ міровыхъ потрясеній. По разному мы думаемъ и разнаго исхода мы желаемъ и ждемъ. Иностранцамъ, вѣроятно, никогда не понять нашего народа. « Россія не имѣетъ друзей », писалъ Достоевскій.

Умомъ Россіи не понять,
Аршиномъ общимъ не измѣрить:
У ней особенная стать —
Въ Россію можно только вѣрить.

Такъ четырьмя стихотворными строчками Ѳ.И. Тютчевъ опредѣлилъ таинственную сущность Россіи. Это опредѣленіе русскій народъ принялъ, усвоилъ и не отвергнулъ. О судьбахъ Россіи можно только гадать, пророчествовать или желаемое и ожидаемое признавать какъ бы за грядущее.

В. С. Новиковъ подошелъ къ этому вопросу съ той же мистикой, съ которой онъ расматривалъ послѣдовательныя измѣненія государственнаго Орла. На заключительныхъ страницахъ книги, онъ писалъ:

« Романовская Династія, вознесшая Россію до высотъ величайшей Имперіи, зачалась въ Ипатьевскомъ монастырѣ. Незамолимымъ злодѣяніемъ она закончилась въ Ипатьевскомъ

домъ. Вѣковой кругъ замкнулся въ мистической точкѣ. Но не изсякла династія и именно мистическое замыканіе круга можетъ рождать мистическую надежду, что придетъ день, когда бездушные инструменты серпъ и молотъ, вырванные изъ рукъ узурпаторовъ и очутившись въ рукахъ прозрѣвшаго, наконецъ, народа, разрушатъ мистическій узелъ и кругъ развернется въ новую историческую спираль, ведомую достойнымъ отпрыскомъ старой династіи»...

Да сбудутся всѣ пожеланія, надежды и пророчества. Да воскреснетъ Россія для славы, благоденствія и мирнаго процвѣтанія. Да возстановятся вновь святые храмы, монастыри и обители. Да утвердится законъ и порядокъ. Да сгинетъ и исчезнетъ навсегда ненависть, порожденная дьяволомъ и да воцарится любовь и братство среди народовъ Россіи.

А когда это сбудется, я вѣрую, надъ Москвой великой златоглавою займется алая заря свободы и въ отблескахъ солнечнаго свѣта поднимется надъ Россіей Державный Русскій Орелъ. Буди, Господи, буди!

С. Позднышевъ.

1-го Декабря 1965 г.

P.S. Рукопись « Русскій Государственный Орелъ » была написана авторомъ по новой орфографіи. Редакція рѣшила оставить текстъ книги безъ измѣненій, сохраняя и новую орфографію.

С. П.

I.

«Никогда химики не достигнут высот алхимиков и никогда астрономы не узнают счастья астрологов...»

Таким мудрым и глубоким афоризмом, безразлично — своим или чужим, венчает Римский-Корсаков одно из своих идеологических писем о «Могучей Кучке», к А. Бородину. Этот афоризм можно было бы поставить в эпиграф настоящего очерка о Русском Государственном Орле, как символе отдельных царствований.

Есть две истории в мире. Одна с кропотливой точностью собирает все мельчайшие детали событий, числа, даты, количества и т. д., сводит их в одну последовательную систему причин и следствий, очищает их от субъективных наслоений современников и выводит таким путем некую картину исторического действия. Эта картина, к сожалению, никогда не бывает и не может быть абсолютно объективна, ибо освобождаясь от субъективизма современников, она неизбежно попадает под субъективизм описывающих ее исследователей, толкование которых не может освободиться от мировоззрения, если не личного, то, по крайней мере эпохального. Отсюда вопрос о так называемых «исторических перспективах» может быть подвергнут сомнению. И то, что в глазах последующих историков может представляться, как ошибки, совсем не было ошибками для мировоззрения тех, кто эти деяния творил. История только материального исследования фактов не может потому считаться историей безукоризненно полной и требует для себя поправок и дополнений в области психологического анализа тех фактов, кои вызывали причины и следствия исторических действий. Если эту область признать вторым потоком в области исторического исследо-

вания, то необходимо признать еще и наличие потока третьего, мало заметного, но не менее действенного. В этом потоке история развивается вне обычной, феноменальной логики, а уходит в области ноуменальных постижений, для которых перестают действовать формальные законы. Эта история лежит в области исследования философов, поэтов, художников, которые в неком эмоциональном, подсознательном плане собирают не бухгалтерские числа в «Гроссбух», но те невидимые миру духовные числа, сила и влияние которых на жизнь — фактически и создают историю в видимом и осязаемом плане.

Эти «алхимики и астрологи» имеют власть жить вне времени и с одинаковой четкостью видеть не только тайны прошедшего, но и тайны будущего. Всякое искусство, если оно озарено подлинным талантом его созидающего — вневременно. Опираясь корнями своими в глубины прошедшего, оно в той же мере содержит в себе предвидения будущего. Такие примеры в огромном количестве мы можем найти во всех областях творчества человеческого духа: — Фидий и Праксителъ; Леонардо да-Винчи и Микkель-Анжело; Гете и Достоевский; Бетховен и Лист; Ницше и Константин Леонтьев... и т. д... и т. д... все они, опираясь на вечные, непереходящие и неизменяющиеся законы, впечатленные Творцом в мир, создали ценности, в которых столь же сильно отражено им современное, как и предчувствие будущего.

Но если мы коснулись в своем примере имен столь блистательных творцов мировых ценностей, то это не значит, что только таковым принадлежит этот дар предвидения. В русской истории есть одна область, где совсем безвестные мастера, повинуясь каким-то сверхсознательным влияниям, творили историческую символику, оказавшуюся почти без исключения поразительно-пророческой. Эта символика — есть русская государственная геральдика, то-есть олицетворяющий русскую государственность — РУССКИЙ, ДВУГЛАВЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОРЕЛ.

Геральдика, развившаяся на западе во времена рыцарства, вылилась в очень строгие и закономерные формы. Стилизация и символика геральдических образов кристаллизовалась в чрезвычайно устойчивые и неизменяемые ордеры, где каждый завиток, каждый штрих, каждая точка имели самодавлеющий смысл и значение. Перенесенная на русскую

почву для обслуживания именитых русских родов, западная геральдика очень мало руссифицировалась и, во всяком случае, сохранила свою щепетильную строгость к неизменяемости, раз принятого образа. Тем более может показаться поразительным, что Русский Государственный Орел не только никогда не был точно регламентирован основными государственными законами, но наоборот, следуя за какой-то, неведомо кем и неведомо когда установленной традицией, весьма часто и решительно изменял свой облик.

Логически было бы понятно и геральдически было бы оправдано три вида Русского Орла:

1. — Орел Царства Московского.
2. — Орел Всея Великия, и Малыя, и Белыя Руси.
3. — Орел Российской Империи.

С некоторой вынужденной уступчивостью геральдика могла бы пойти на компромисс в видоизменениях Орла в пределах одного и того же царствования, если это царствование было обозначено событиями, решительно отражавшимися на истории государства — например: переход от царства к Империи; присоединение Польши, Кавказа, Туркестана, Финляндии; ...Освобождение Крестьян и т. д... Но удивительно, что именно эти большие события не затронули Русского Орла. Наоборот, события характера психологического, почти неуловимого для современников, находили неизменный отклик в геральдической форме. И если можно еще объяснить видоизменения, происходившие, как отражения уже совершившегося, то чем и какой логикой можно объяснить те изменения, которые происходили в начале царствования, когда совершенно никому не могло быть известным, какие события грядут в ближайшем будущем и какими путями понесет Россия своего Государственного Орла? А именно эти видоизменения мы и находим на протяжении всей истории; и именно эти видоизменения вещают собой поразительные пророчества.

Какие-то безвестные художники, повинуясь своей интуиции, награждали Орла символами, которые удивительным образом оказывались провидческими и оправдывались последующими событиями. Возникает недоуменный вопрос: была ли это просто фантазия художников или это было какое-то фатальное провидчество? И если это было провидчество, то

чем объяснить такую закономерную, регулярную, периодическую повторяемость озаренности тех, кто это творил? На это материалистическая история вряд ли съумеет дать ответ. Ответ могут дать только те, которые свое миропонимание соприкасают с надматериальным планом, т. е. художники, поэты, мыслители... Чем объяснить тот необыкновенный факт, что бесконечный ряд совсем безвестных, не блещущих никакими показными талантами древних маляров, потом изографов, потом живописцев, граверов, наконец графиков, которые работали сперва на «Царском Подворье», потом в «Приказных избах», на «Печатном Дворе», на «Монетном Дворе», наконец, в наше уже время в «Экспедиции заготовления Государственных Бумаг» — оказались пророками Судеб Росспйского Государства, глаголя свои пророчества геральдическими символами. Кто ОНИ, все эти Ивашки Долгие, Афоньки Черновы, Модесты Клейменые и т. д., имена которых случайно сохранили нам старые приказные записи? Потом ряд таких же безвестных Ширкиных, Окшиных, Зарядных, наконец уже графиков последнего времени — Костенко, Чехонина (автора советского герба), Нарбута, Солодовина, которые то тонкой хорьковой кистью, то позже резцом гравера украшали царские грамоты, резали штампы для российских монет, сочиняли рисунки для прапоров, стягов, знамен, ...наконец давали каждому царствованию нового Государственного Орла, коему суждено было на крылах своих нести исторические судьбы России. Вряд ли под обзор этого явления можно подвести сейчас какую бы то ни было рационально-объяснительную базу. Ни философия, ни, тем менее, эмоции не имеют таких твердых дисциплин, которые могли бы быть непреложными и неоспоримыми. Но научное исследование движется всегда одним и тем же путем: кто-то опираясь на ряд повторяющихся фактических явлений, делает первую попытку свести их в закономерную систему и выдвигает так называемую *гипотезу*. Другие начинают исследовать и проверять эту гипотезу и, если она подтверждается, то переходит в *теорию*. Дальнейшая разработка теории уже выводит непреложные *законы*.

Настоящая попытка толкования эволюции Русского Государственного Орла не претендует более, как на гипотетическое значение.

*
**

Одну странную вещь приходится наблюдать нам в древней Руси: — Несмотря на весьма кичливое боярство, установившее законы «местничества» и весьма щепетильно дорожившего своей родовой преемственностью; несмотря на тончайшие отличия чести в писании «отчества» на «ов» или на «вичъ» («сын Иванов» или «Иванович» и т. д.) — русский язык не выработал дворянской частицы фамилии, подобно романской «де», или «ди», германской «фон» или «фан», или, наконец, даже тюркской «бей» или «бай». И еще: — в то время, как Запад в эпоху рыцарства и феодализма создал огромную и сложную геральдику родовых гербов, русский быт не выработал и этого. И если, тем не менее, русское дворянство имеет свои гербы, то они более позднего и явно подражательного происхождения, занесенные с Запада. Несмотря на огромную способность русской души к ассимилированию всего привходящего, гербы русского дворянства остались даже никак не затронуты руссификацией. Декоративность русской народной орнаментики не коснулась их и развитие символических атрибутов шло в том русле, которое раз и навсегда оказалось установленным Западом. Этому есть свое объяснение. Известно, что органическому развитию геральдики в древней Руси препятствовало православное мировоззрение, которое не допускало возможности символически изображать человеческий православный род (образ и подобие Божие) — личиной стилизованного зверя. Подтверждением этого служит то обстоятельство, что, в то время, как на родовых геральдических знаках Западной Европы мы в огромном количестве встречаем стилизованного зверя — льва, единорога, грифона, орла, буйвола, горгону и т. д. — на всех русских великокняжеских и царских стягах, прапорах, знаменах, воинских хоругвях и проч. была неизменно только икона: Нерукотворного Спаса у Димитрия Донского; Богородицы у Александра Невского у Новгородцев, наконец, изображения разных других святых, чаще всего покровителей данных князей, княжеств или просто городов.

Таким гербом в Московском Княжестве была икона-эмблема Воина Небесного, Св. Георгия Победоносца, поражающего копьем апокалипсического змия.

В этом одном уже знаменательный символ. На престоле Московского Княжества, начавшего существовать со второй половины XIII века не было великих князей с именем Георгий. Если даже принять во внимание, что основателем Москвы

был князь Юрий Долгорукий, то и тогда нельзя будет сделать прочного слияния, так как в XIII веке имя Юрий еще не отождествилось с именем Георгий, что произошло только в половине XV века. В иных славянских языках эти имена существуют раздельно и до сих пор. Поэтому Георгий Победоносец в гербе Москвы является выразителем не личного патроната, но носителем некой государственной идеи, смысл которой гласил: вечной борьбой с антихристовым злом — утверждать богоносную правду Христа.

Обращаясь к анализу русской народной души, или, вернее, народной стихии, данному нашими философами, поэтами и мыслителями; обращаясь к жестокой проблеме хаотического или, вернее, анархического начала, охарактеризованного Достоевским, как «*две бездны*», — мы не можем пройти мимо того первичного символа, который отличает Русского Двуглавого Орла от Орлов (в том числе и двуглавых) других стран, а именно: символ Георгия, поражающего Змия, помещенный на груди Орла. Западно-Европейские изображения этой же идеи имеют различные формы: Архистратиг Михаил изображается уже в законченном акте победы. Такие же изображения Георгия чрезвычайно широко распространены в католической пластике: Дракон уже побежден и Св. Георгий, как торжествующий победоносец, попирает его труп ногами. Этот древний христианский символ арийские народы знают еще и до христианства и германский Зигфрид в готической орнаментике есть только предтеча церковного символа Св. Георгия.

В русском изображении нет законченности акта. Несмотря на название «Победоносец», сама победа в своей окончательной форме не изображена. Георгий только борется со Змием. Он только разит его копьем. Но убит ли Змий, или только ранен... и, может быть, возымеет еще силы оправиться и нанести поражение своему противнику, — об этом изображение не говорит.

Так с самого начала своего мистического полета над судьбами Российского Государства, Русский Двуглавый Орел нес на груди своей тезу и антитезу, добро и зло, Христа и Антихриста, Всадника Небесного и Змия апокалипсического. Две бездны!

445 лет побеждал Георгий гидру, ...пронзал ее копьем, но... не умертвил. Бездна греха, анархии и богоборчества,

извиваясь под копьем Воина Христова, все же жила на самой груди, под самым сердцем Орловым.

В трагический мартовский день 1917 года антихристова гидра московского герба ужалила, наконец, Орла в сердце. Император Николай II отрекся от престола. С тех пор, вот уже пятое десятилетие обессиленный, опозоренный, разбитый и истощенный, брошенный на задворки истории, лежит распластавшись Русский Орел. Да и лежит ли еще, хотя бы и в таком виде? Темно историческое грядущее и вряд ли можно найти сейчас какие-либо твердые обоснования для построения серьезных догадок. Слишком много разнородных факторов творят историческое действие. Слишком много различных и уловимых и неуловимых сил действуют на исторической сцене...

Проследим же четырехсот-сорока-пятилетний полет Русского Двуглавого Орла со всеми теми изменениями, которые претерпел он за свою жизнь и со всеми теми мистическими пророчествами, которые являл он своей изменяющейся формой, начертывая этим письмена, которые только теперь, впервые, так запоздало мы пытаемся прочесть.

***

Прежде чем перейти, однако, к рассмотрению Орлов всех царствований, начиная с Иоанна III и кончая Императором Николаем II или даже еще и последним Орлом Временного Правительства, необходимо сделать существенную оговорку. Русский Государственный Орел за все время своего существования, вплоть до царствования Императора Александра III никогда не был точно установлен законом. В силу этого его форма, детали, атрибуты и характер менялись с безграничной произвольностью. Штампы, по которым выбивалась русская монета, резались не только русскими, но зачастую и иностранными граверами. И те и другие, в большинстве случаев, были совершенно безграмотны, по меньшей мере в русской истории. Износившийся штамп заменялся новым, наново вырезанным, отчего в пределах одного и того же царствования можно встретить великое разнообразие форм, часто совершенно противоположных одна другой.

Придавать значение и пытаться найти смысл в этом многообразии — задача, конечно, бесполезная. Но в потоке

этой многоликости можно выделить одну твердую линию. Это те Орлы, которые появлялись в *начале* каждого царствования, т. е. коронационные. Именно они и составляют предмет настоящего исследования и именно в них раскрывается то провидчество, о котором сказано в начале этой книги.

II.

Великий Князь Московский Иоанн III женится на Византийской царевне Софье Палеолог и этим актом приобретает последний и неоспоримый авторитет среди не только существующих еще удельных князей Руси, но и в заграничных сношениях с иностранными державами. Для вящего упрочения этого авторитета Иоанн III воспринимает родовой герб Византийских государей — Двуглавый Орел.

Двуглавый Орел Византии имел у себя на родине смысл двуглавой Римско-Византийской империи, охватывающей Восток и Запад (1).

Рис. 1.

Его лапы — Западная-Римская держала меч и Восточная-Византийская — крест. Никаких других эмблем Византийский Орел не имел.

Император Максимилиан II, отправляя свою племянницу Софью на Московский великокняжеский престол, не дал ей однако своего Императорского Орла и на стяге, который везли во главе свадебного поезда цесаревны, был изображен Орел несколько иной формы, знаменующий только родовой герб царствующей династии, но отнюдь не эмблему Империи.

Этот Орел имел над главами не Императорский, но только цесарский венец и в лапах своих не держал ничего (2). Вытканный черным шелком на золотом поле, он представлял из себя только черный силуэт, лишенный пластики и внутреннего рисунка и является, таким образом, только плоской, орнаментальной эмблемой.

Рис. 2.

Тем не менее, для Московского Великого Князя эмблема эта уже представляла собой великую честь и заманчивая перспектива стать в равное положение со всеми иными европейскими государями, побуждала его принять этот герб не только, как династический герб своей супруги, но и как геральдический символ своего Государства.

Иоанн III, совершая для современников акт величайшего значения — породнения Византийской Императорской Династии с Династией Рюрика, был вполне удовлетворен этой формой и отнюдь не мог еще мечтать о таком величии своего Московского княжества, которое пришло потом и которое позволило Московским царям считать себя преемниками Византии, когда пышная Константинова Империя рухнула под ударами Отоманов и Москва почувствовала себя «Третьим Римом».

Орел Иоанна III первоначально в лапах своих не держал ничего. В таком виде, еще только готовясь к будущим заданиям, прилетел на русскую землю этот Орел, которому с этого момента предстояло символизировать собой огромнейшую страну, также охватывающую Восток и Запад и населенную народом, который «с мечом в руках и с крестом в сердце» творил свою историческую судьбу.

Превратившись из Великого Князя в Царя Московского и взяв для своего нового обще-русского Государства новый герб — Двуглавого Орла, Иоанн III вновь возлагает на обе главы Цесарьские венцы (3).

Рис. 3.

Одновременно грудь Орла покрывается щитом Московским с изображенной на нем иконой Св. Георгия Победоносца. Казалось бы все... Но Иоанн III очень еще робок и очень щепетилен. Он еще боится упреков своего именитого византийского родства в том, что безоговорочно присваивает себе блистательную эмблему могучей империи, в то время как сам еще остается вассалом и данником татарских ханов. И повинуясь этому печальному соображению, расставленные крылья византийского Орла сжимаются и опускаются вертикально вниз. В то же время, однако, в них появляется перистость.

Орел, как бы, из графического символа, каким он был в Византии, начинает наливаться плотью, оживает, готовится к полету; ...Из византийского черного силуэта превращается в живой организм. В таком виде старый римско-византийский Орел впервые становится уже *Русским Орлом*, которому в этом своем третьем рождении суждено было нести на своих крылах судьбы России с 1472 года — 445 лет!

Однако, восемь лет спустя, т. е. в 1480 году происходит событие величайшего исторического значения — свержение татарского ига! Престиж Царя Московского поднимается на небывалую высоту. Царь становится «САМОДЕРЖЦЕМ», т. е. в тогдашнем понятии этого эпитета — независимым и самостоятельным. И с этого момента появляется первое, вполне закономерное, вполне исторически-реальное и геральдически оправданное, глубоко знаменательное видоизменение Орла (4). Орел вдруг взлетает!

Рис. 4.

Его крылья разворачиваются в шири полета. Клювы его голов становятся грозными, орлиными и угрожающе раскрываются. Он перестает быть уже только геральдическим символом статического бытия государства, но воспринимает в себя символику государственного динамизма, т. е. постановки и разрешения исторических государственных задач.

Каковы же были в ближайшем эти задачи? Татарское

иго свергнуто. Московскому князю не нужно больше ездить на поклон в Орду. Но татары еще сильны. Царство Казанское и Астраханское, а также различные и многочисленные орды на юге и юго-востоке московских пределов еще требуют долгой и настойчивой борьбы, закончить которую удается только внуку его — Иоанну Грозному. И готовясь к этим историческим задачам, Русский Орел вновь берет в свои лапы крест, как символ православия и меч, как символ борьбы. Это не подражание римско-византийскому Орлу. Это свои собственные, продиктованные исторической необходимостью, динамические атрибуты. Это видно по мечу, который свою широкую и короткую римскую форму сменил на более узкую и удлиненную русскую и по кресту, который из четырехконечного Владимирова — византийского перешел к восьмиконечному русскому. Под этим знаком проходит царствование Иоанна III.

Рухнувшая под ударами Отоманов Византийская Империя делает русского Орла окончательным преемником византийского идеологического наследия и сын Иоанна Василий III уже не считает нужным подражательно удерживать венцы на обоих главах, понимая под этим как бы раздвоение власти и возлагает на обе главы одну общую, самодержавную Шапку Мономаха (5).

Рис. 5.

Это знаменательное видоизменение не остается однако единственным. Очень динамично и очень плодотворно было это царствование. К Москве был присоединен Псков, подобно Новгороду управлявшийся своим Вечем, а счастливая война с Литвой возвращает захваченный Витовтом Смоленск.

На это Орел, взлетевший уже так высоко и так гордо, отвечает малозаметной, но весьма аргументированной деталью: Меч, находящийся до того в композиционных пределах самого Орла выносится за эти пределы и существенно удлиняется, знаменуя и расширение и поступательный ход исторических задач.

По смерти Василия III, за малолетством его наследника Иоанна IV, получившего впоследствии название Грозного, наступает десятилетнее номинальное регентство его матери — Елены Глинской, а фактически десятилетнее самовластие бояр.

Здесь впервые Русский Орел испытывает существенное, почти даже комическое, видоизменение. Вошли в поговорку боярская спесь и боярское чванство. В «трех шубах» «прели» бояре в жарко натопленных теремах на заседаниях Боярской Думы. Боярские окладистые бороды и боярские колыхающиеся огромные животы, являлись гордостью и признаком могущества, силы и благородства.

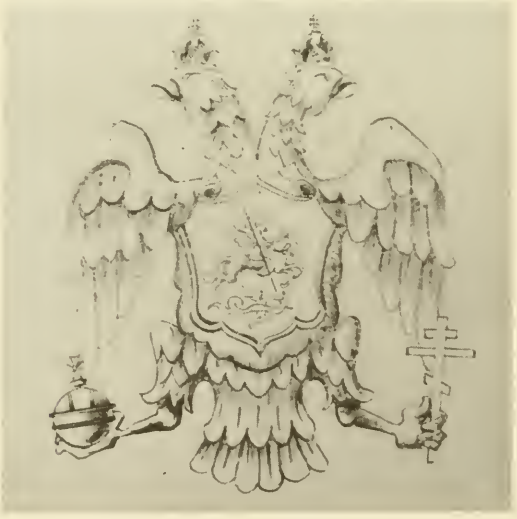

Рис. 6.

Кто осмелился сыграть с Русским Орлом такую злую шутку (6), сделав его карикатурой на боярское дородство?

В боярское правление о делах государства думают мало. Правители заняты склокой между собой. И не государственная динамика, не исторические задачи поручаются символизировать Орлу, но, наоборот, — статическую неподвижность, стабилизацию, инертность и ожирение. И вот — выпадает из боевой лапы Орловой динамический меч и спесиво берет эта лапа стабилизованную державу. Клювы закрыты. Широкая грудь переходит в жирный, отвисший живот, из под которого расплывается укороченный хвост. Этот Орел не полетит. Этому Орлу грузно сидеть только за высокими кремлевскими стенами, построенными активными предшественниками и золотить только маковки и вышки помпезных храмов и башен.

*
**

Но вот Иоанну исполняется 16 лет. Он коронуется на царство. И среди общего государственного консервативного застоя и тишины, вдруг, неведомо по чьему приказу, неведомо по чьей выдумке на коронационных хоругвях и стягах, на царском Шатре в Архангельском Соборе, на белых кафтанах рынд и т. д. появляется новый, невиданный еще на Руси Орел (7).

Рис. 7.

Его крылья вдруг расправляются, знаменуя некий начинающийся полет. Клювы, сонно закрытые при боярах, властно и грозно раскрываются. Мономаховы шапки на главах, как только Великокняжеские, перестают отвечать достоинству царя Московского. Они получают сверху надстройку, более, как тогда повидимому казалось, знаменующую уже не Царскую Шапку, но Царскую *Корону*. Жир с Орла спадает и в боевую лапу снова возвращается меч. Он удлиняется еще более. Конечно! Ведь он так еще будет нужен! Впереди и конечная борьба с татарами, и войны с Литвой, Польшей и Швецией, наконец внутренняя жестокая борьба с боярством...

Но откуда узнали обо всем этом будущем те, какие-то безвестные изографы, которые на приказной избе фантазировали нового Орла к коронационным торжествам нового, молодого Государя? Было ли это необычайным спиритуальным предвидением, или они понимали ход государственных задач глубже и лучше чем те, кто стоял у руля этого государства? Было ли это фиксацией видения того, что неизбежно будет, или было в этом желание побудить Орла свершить то, что для Руси нужно и необходимо? Во всяком случае в Орле Иоанна IV мы присутствуем при первом мистическом чуде, явленным геральдической символикой. Это чудо открывает ряд последовательных чудес во всей последующей жизни Русского Государственного Орла и засталяет остановиться перед фактом, объяснимым только в спиритуальном плане.

Освободившаяся из лапы держава уже не может исчезнуть из символических атрибутов Орла и ставит художников в трудное положение нахождения ей места. Перенесение ее наверх, между глав, на первый взгляд может показаться нелепицей. Но вот из места сращения шей вырастает высокий, восьмиконечный православный крест. Он уже не атрибут геральдических символов. Он органически связан с телом Орловым и именно он является как бы опорой парящей над ним державы. И сама держава мистически покоится на ТРЕХ крестах — два от царских корон и третий средний из тела. Что это — композиционная случайность? Вынужденное приведение к гармонической целостности нагроможденных деталей? Кто из этих приказных живописцев мог знать, что уже очень скоро старец Филофей выдвинет идею «ТРЕТЬЯГО РИМА» и Москва возмет на себя вселенскую миссию быть последней носительницей и хранительницей православной

веры Христовой, органически, из самого тела своего воздвигающей осьмиконечный православный крест. Вернемся еще раз к изумлению перед чудом, ибо оно явилось не тогда, когда произошли уже события огромной государственной важности — покорения Казанского и Астраханского Царств, присоединение Сибири, установление Судебника, рождение идеи Третьего Рима и Богопомазанности Царя, борьба с боярством и установление не только внешнего, но внутреннего самодержавия, покорение Новгорода, открытие иноземных связей морским путем через Белое море и т. д., и т. д., — но именно тогда, когда шестнадцатилетний юноша, находящийся под весьма добрыми и кроткими влияниями своих воспитателей Сильвестра и Адашева только еще вступал на престол, чтобы, неведомо для самого себя, дать Русскому Орлу новый государственный полет.

Кто совершил это чудо? Может быть специальные исследования в древних архивах, если только таковые сохранились, могли бы установить имя какого-нибудь живописца из приказной избы на царском подворье. Но что нам объяснит имя какого-нибудь Ивашки Голого или Афоньки Босого? Да и не Ивашка и не Афонька были пророками! Пророчествовала какая-то подсознательная интуиция в русском народе, какой-то дар предвидения и предчувствия, который стихийно продолжался и далее во всех царствованиях, во всех видоизменениях Русского Орла. На это никакая материалистическая история, никакая диалектика и никакая практическая логика ответа не найдет. Ответ можно искать только у тех «алхимиков и астрологов», о которых было упомянуто в эпиграфе этого очерка. Есть вещи, которые поэты могут проанализировать точнее, чем математики.

*
**

Но в царствование Грозного Царя Иоанна был еще один знаменательный период. Истощив свое первичное долготерпение в тщетных попытках обуздать боярскую склоку и бесконечные интриги, Иоанн отрекается от Царства, как НЕДОСТОЙНОГО ЕГО и уходит в Троице-Сергиевский монастырь. Наступает период государственного смятения. Тучи собираются над страной. Временно Русью правит все та же «Семибоярщина». Царь погружается в мрачную мистику и не хочет больше слышать о своем царстве.

Снова, каким-то чудесным велением, видоизменяется Русский Орел. Правят бояре — значит должна вернуться старая форма тяжелого, статического, ожиревшего Орла (8). Не пристало этому Орлу носить на себе державные атрибуты. И живописцы из приказной избы линяют его всего!

Рис. 8.

Лапы пусты и растопырены. Держава и крест «Третьего Рима» улетучились. Сам герб Московский, с Георгием Победоносцем на щите, уничтожился и Св. Георгий перешел снова на «свиток», который только возложен на грудь. Только головы еще грозны и только клювы еще раскрыты, чтобы вступить в борьбу с недругами...

И в то время, как смятенная Москва живет под знаком этого обесцвеченного и обесславленного боярского Орла, где-то совсем рядом, поблизости, под святынями всенародночтимой Сергиевой Обители сидит законный, венчанный, богопомазанный и оскорбленный Царь, скапливающий грозу над самовластным боярством. Там, за стенами Троицкой Лавры образуется у Иоанна свой новый небольшой двор и там начинает зарождаться новая форма царствования, которая должна будет простереться над Русью. Этой форме ответит и новый Орел.

И вот... слетают с глав венцы Мономаховы, которые, может быть, в мнительном царе могут вызвать подозрение в двоевластии, т. е. разделение власти с боярами и заменяются одной общей, неведомой еще на Руси короной (9).

Рис. 9.

Как объяснить вхождение этой явно западной формы? Догадки можно строить только на одном факте. Как известно, именно около этого времени, Польша, раздираемая внутренними смутами своего анархически-республиканского духа склонялась к проекту предложения польской короны Иоанну IV. В иезуитских лабораториях Ватикана, с благословения Папы был выработан план Русско-Польского Короля, Царя и Императора. Именно Императорским титулом, поднесенным впоследствии Лже-Димитрию, папский престол надеялся соблазнить честолюбие Иоанна. Для этого, зная, что Иоанн не согласится просто перейти в католичество, Ватикан допускал возможность «двоеверия» с тем, что три года, которые русско-польский Император должен был бы жить в Кракове, он будет католиком. Следующие же три года жизни в Москве — он снова становился православным... и т. д. План был рассчитан на дальний прицел и конечным результатом этого проекта предполагалась полная католизация или, по крайней мере, уния обоих церквей под главенством Рима.

Только иезуиты «для вящей славы Божьей» могли придумать такой план. Иоанн, в своей накипавшей против оскорбителей ненависти, не отверг, однако, безоговорочно всего плана. В тайных сношениях он все-таки обсуждался. Соглашаясь в принципе на принятие польской короны и даже на коронацию в Кракове, он однако категорически отказался хотя бы даже и от фиктивного католицизма и от, хотя бы даже кратковременного житья в Польше.

Не потому ли над этой иноземной короной так доминирующе водружен осьмиконечный православный крест, подкрепленный инициалами Иисуса Христа?

Но рассмотрим этого странного Орла дальше. Из хищно раскрытых клювов сильно выпрастываются языки. Должны ли они что-нибудь вещать? Пожалуй! Ту идею, которая прочно вошла в психику всея Руси: — Москва есть третий Рим, а четвертому не бывать!

Однако, спокойствие державы Российской поколеблено. За монастырскими стенами сидит царь без царства и готовит новое воцарение в совершенно новой форме. Какова она еще будет! А пока лапы Орловы бросают все атрибуты своей канонической символики и напрягают когти, готовые вцепиться в тех, кто нарушил преемственную динамику государственности.

Именно отсюда происходит самое странное, самое неожиданное, самое малопонятное видоизменение. Это кардинальпревращение старого Московского герба. Собственно даже и о превращении здесь нельзя говорить. Это полная замена Святого Небесного Покровителя Москвы каким-то новым, небывалым и неведомым символом. Во-первых: старый щит из щита превращается в какой-то плакат, хартию или свиток пергамента. Начало этому, по какому-то предчувствию, дал, впрочем, предыдущий «боярский» Орел. Во-вторых: исчезает Св. Георгий и заменяется скачущим ЕДИНОРОГОМ. Что это значит? Где найти этому объяснение? Кто предложил Иоанну этот небывалый образ? Или он выдумал его сам? Попробуем гадать!

В архивах Троицко-Сергиевой Лавры сохранились записи о пребывании там Иоанна и о всех последующих событиях связанных с его возвращением на царство и учреждением ОПРИЧИНЫ. В этих записях есть картины, наводящие на разъясняющие догадки. В тесных, душных келиях монастыря оскорбленное самолюбие Иоанна, наливаясь страшной

яростью и злобой к распущенному боярству, с радостью ухватилось за поданную ему идею учреждения особой организации, которая будучи подчинена только единолично царю, помогла бы ему вывести измену и неправду в Государстве. Как пример такой организации Иваном Пересветовым, идеологом Опричины, указывались Янычары при турецком султане. Иоанн с радостью ухватился за эту идею. Но как же было русскому, православному царю, хранителю идеи «Третьего Рима» брать пример с «нечестивого» турецкого царя? Нужно было, хоть лицемерно, найти какое-нибудь «моральное» оправдание. Где же можно было его найти, кроме как в неоспоримом моральном авторитете Священного Писания. И вот услужливый иеромонах Таисий читает и «разъясняет» Иоанну «Жития кроткого Царя Давида», непревзойденная патологическая жестокость которого в массовых казнях своих врагов нашла себе не только благоволение в глазах древнего Библейского Бога, но и была увенчана возведением Царя Давида в величайшие святые Ветхого Завета, с приданием ему эпитета «кроткий».

Вот что читаем в этих записях: Сначала идет изложение псалмов Давида №№ 87, 88, 89, 90, насыщенных жалобами на окружающих врагов и дышащих яростью и местью к ним. И наконец, в поучении к псалму 91 находим строки:

> «...вот враги твои гибнут и рассыпаются все делающие беззаконие. А мой РОГ Ты вознесешь, как рог ЕДИНОРОГА...»

Если принять во внимание, что самый символ «Рога» в Библии встречается весьма часто и знаменует собою атрибут не только святости, но и принадлежность самого Бога — (...с Тобою избодаем рогами врагов наших; во Имя Твое попрем ногами возстающих на нас... Псал. 43), — то непонятная на первый взгляд фантазия мистически настроенного Иоанна, начинает, как будто бы, проясняться. Не здесь ли лежит странная разгадка? И что она лежит именно здесь, как будто подтверждается тем обстоятельством, что акт, или так называемая «Золотая була» об обратном принятии царства и вторичном восшествии на престол, явившегося в результате верноподданнического паломничества всей Москвы, — скреплена печатью именно с этим «Единорожьим» Орлом. Печать эта изготовлена не в Москве, а все там же в Троицо-Сергиевской Лавре. По кругу ее идет надпись: — «Яко единорога святилище Твое на земли».

По возвращении царя в Москву и самодержавного упрочения трона, Орел этот был Иоанном отменен. Св. Георгий снова вернулся на свое место и Орел снова взял себе все царственные атрибуты. А Единорог, соскочивши с герба обернулся Опричником и кровавой метлой прошелся по взъерошенной и изнемогающей Руси, приготовляя ее к взрыву той стихийной Ярости самоистребления и анархии, которая настала так скоро под названием «Смутного времени».

*
**

Страшными массовыми казнями, опалой, разорением, ссылками и т. д. строптивое боярство приведено к повиновению. Принцип неограниченного абсолютизма достигает наивысшей точки. Но одновременно с этим обнаруживается и центробежный процесс государства. Московия обезлюдила. Обнищавший и перепуганный народ потянулся на волжские, донские, днепровские «Украины». Там зарождается анархическая вольница, которая на долго еще обессиливает внутреннее устроение государства. Довлеющая воля грозного царя Иоанна уходит и на ее месте воцаряется слабая, робкая и беспомощная душа болезненного и ограниченного Феодора Иоанновича. И рушится мгновенно вся психологическая мощь созданной Иоанном державы. И Орел, уже не парящий, а

Рис. 10.

как бы гонимый ветром, поникает над истощенной Русью. Мгновенно угасают все его динамические атрибуты (10).

Испаряется держава над главами. Уничтожается также и крест. Грозно раскрытые клювы — закрываются. Крылья заворачиваются в каком-то кругообразном движении вверх, как будто не они уже владеют полетом, а вихри и ветры снизу влекут их по своему произволу в неизвестность. В лапах еще остается крест в одной. Но меч из другой выпадает и заменяется неведомо чем. Конечно, этот шарик можно понимать, как державу, уже бывшую однажды в этой же лапе. Но старая держава была полная, тяжелая, с экваториальной полосой посредине и увенчана крестом наверху. Этот же шарик похож скорее на яблоко, тем более, что вместо венчающего креста, здесь помещен просто какой-то отросток. Может быть чрезвычайно возросшие к этому времени сношения с Западной Европой дали основание очередному «Ивашке» или «Афоньке» так наивно истолковать германское название державы — «Reichsapfel» — (государственное яблоко) и это могло привести к подобному курьезу. Но то, что могло бы показаться курьезом с начала тяжелого и неудачного царствования робкого и безвольного Федора, то оказалось таким же мистически-пророческим в отдаленном будущем, как и неожиданные атрибуты Орлов предыдущих. Так, накануне Смутного времени, а вернее первой русской социальной революции, родился в России тот же символ, который кровавым следом прокатился уже в наше время, во второй русской социальной революции: — «Яблочко». — ...Эх, яблочко, да куды котишься!...»

«Яблочко» царя Федора Иоанновича принесло русскому народу «Юрьев день» — крепостное право.

*
**

Умный, властный, заботливый и глубоко несчастный Государь Борис Феодорович Годунов мог бы явиться родоначальником новой династии. Занятие им престола было вполне легально и подкреплялось еще кроме того, родством с угасшей династией Рюрика — Долгоруких. Однако, злой рок тяготеет над Борисом. Народная молва, подстрекаемая злостной интригой и клеветой Шуйских (как это установлено уже почти точно современными историческими изысканиями), не хочет видеть в Борисе законного Государя, считая его захватчиком престола и цареубийцей.

И вот Орел в самой трагической форме отражает это общенародное мнение (11).

Головы Орла напряженно вздернуты кверху. Клювы страшно разинуты и как бы вопиют к небу о преступлении. А, может быть, они вопиют о хлебе для терзаемой голодом Руси?

Рис. 11.

Иоанново Единорожье наследство не проходит даром. Не смеет царствовать Борис! И снимаются с голов царские шапки. В правой лапе он судорожно держит осьмиконечный крест, а в левую, вместо сомнительного «Яблочка» берется Евангелие! Именно Евангелие — книгу наивысшей любви и надежды. Замолит ли Русь великий грех, совершенный ее Царем?

В остальном Орел остается тем же. Словно видели эти «Иванки» и «Афоньки» из приказной избы «третьим глазом» во тьме грядущего, что царствование это не настоящее. Что беда пройдет и Русь снова вернется к своему законному Государю из династии Рюрика, при которой только и возможна правильная и планомерная эволюция Русского Государственного Орла.

И вот, наконец, это чаяние совершается. Где-то в Литве появляется «законный» наследник российского престола,

чудом спасшийся от убийц, сын царя Иоанна Васильевича — Царевич Дмитрий Иоаннович.

Был ли так называемый «Лже-Димитрий» действительно «Лже», или же он был настоящим сыном Иоанна Грозного — этот вопрос не входит в рамки настоящей темы. Для нас важно только то, что творцы Русского Государственного Орла, отражая народное мнение, признали его за настоящего. И если в современных исторических исследованиях есть серьезные данные для утверждения подлинности Димитрия, хотя и не того, что был убит в Угличе, но все же сына Василисы Мелентьевны, то склоняющиеся к этому утверждению историки, могут почерпнуть себе поддержку у тех провидцев Русского Орла, которые до сих пор еще никогда не ошибались. Эти провидцы, утверждая законность царя Димитрия Иоанновича, венчают его Орлом, тесно связанным с последней династической формой его брата — царя Федора Иоанновича. Но царь Федор был слаб и немощен. Его «яблочко» не принесло ни славы, ни величия государству. Напротив, оно обернулось передачей трона «цареубийце». И вот исчезает из лапы Орловой двусмысленное «яблочко» и снова возвращается меч! Меч, на этот раз, очень велик. Его длинна достигает более полутела, но он не выходит за пределы фигуры (12).

Рис. 12.

Предназначен ли он для внешнего или для внутреннего воительства? Где уж ослабленной, разоренной и голодной Руси думать о внешнем применении меча! У себя дома, на Руси есть не мало неустройства, которого без меча не разрешить. И неустройство, бедность и падение это подчеркнуты оставлением той жалкой формы, которая появилась в Орле Федора Иоанновича. Но история не стоит на месте. Если вычеркнутый из ряда Орел Бориса Годунова приводит Русь к той точке, на которой прервалась старая династия и новообретенный продолжатель этой династии с этой же точки должен вести Русь дальше, то в самой старой форме Орла не могут не произойти эволюционные изменения. Что же видят в грядущих судьбах государства присяжные творцы Русского Орла на приказной избе? Их прозрение тревожно. Их формы неустойчивы. Их пророчества бедственны! Орел остается тот же, но перья его от старых крупных форм переходят к мелким и взъерошенным. Словно дующий снизу ветер социальной революции пытается распотрошить тело государственности. От этой мелкой перистости Орел утрачивает свою и без того небольшую устойчивость и становится уже не парящим и даже не летящим, а просто гонимым бурею. И буря приходит очень скоро! Она сметает последние попытки старого рюриковского Орла удержаться над русской государственностью и рассеивает в прах все государственные атрибуты, которыми русский Орел выражал свою государственность. Такой Орел печальным фантоном повиснет над Русью, когда наступившее разочарование в царе Димитрии Иоанновиче, признанным Самозванцем, приведет к новой трагической попытке установить недостойную династию Шуйских. Но прежде чем перейти к этому не безинтересно отметить еще одну знаменательную деталь.

Сам Димитрий отнюдь не был согласен с тем Орлом, которым его встретила Москва. К записи данной им в Сандомире Юрию Мнишеку в 1608 году была привешена печать с небывалым еще на Руси Орлом. Этот Орел знаменует собою все те чаяния, которые лелеял Римский престол, поддерживая домогательства Лже-Димитрия (13).

Форма его ИМПЕРАТОРСКАЯ, подобная форме Католической-Апостолической Германо-Австрийской, Римской Монархии. На обоих главах вновь появляются цесарьские венцы и объединяются той самой императорской короной, которой Папа, так тщетно, пытался соблазнить Иоанна Грозного.

Рис. 13.

Провидцы из приказной избы не признали однако этого Орла и короткое царствование «Димитрия Иоанновича» прошло под знаком того, о котором уже была речь (Рис. 12).

*
**

Вместе с пеплом сожженного тела Самозванца, рассеянного выстрелом из пушки на красной площади, разлетаются для нового царствования и крест, и меч, и держава, и шапки Мономаха, и, наконец, даже исконный, незыблемый, освященный всем народным сознанием Московский герб — Св. Георгия Победоносца. В таком виде символизирует Орел шаткую попытку установить новую династию в лице Василия Шуйского (14).

Словно знали там на приказной избе геральдические живописцы, что не быть Шуйским на царстве! Словно, ратуя о всем историческом прошлом, не позволили на Орла Шуйских одеть древние мономаховы венцы и подменили их какими-то не русскими, не историческими и даже не геральдическими коронкам, как сусальные коронки балаганных царей в ярморочных зрелищах на Девичьем поле. И жалко и дрябло раскрылись снова Орлиные клювы и бессильно и вяло отвисли

нижние челюсти их. И как насмешка над всем этим убожеством из сросшения тонких и вялых шей вырос странный стебелек с каким-то неведомым цветочком. Что это такое?

Рис. 14.

Трудно найти объяснение непонятной фантазии живописца. Еще труднее разобрать самый «цветочек». Но рассматривая его чешуйчатое строение, вернее всего предположить в нем еловую шишку. Что это? Насмешка? Издевательство? Над кем?.. Над Шуйским или над несчастной Русью, которая истекала кровью, разрываемая и внутренней смутой и внешними иноземными нашествиями. И почему именно еловая шишка? Какой иронический смысл скрыт в ней? Может было какое-нибудь насмешливое тайное прозвище для Шуйских? Может быть в народе ходило какое либо присловье, в котором фигурировала еловая шишка? Нам это темно и непонятно. Пожалуй некоторый свет проливают речи протопопа Аввакума, в которых он, громя своих Никонианских противников, показывает им еловую шишку, ассоциируя ее просто с русским «шишом» .Если догадка эта верна, то злостность насмешки становится очевидной. Автор ее за это мог бы пойти на самую жестокую плаху. Однако, среди древних реликвий, сохранившихся в «Оружейной Палате» в Кремле, есть серебряное блюдо, на котором в день коронации, по старой традиции, «от всей Земли Русской Шуйскому была поднесена «хлеб-

соль». На этом блюде выгравирован именно этот Орел с этим стебельком и с этой шишкой. Действительно, ничего кроме «шиша» из царствования Шуйского не получилось. Но если бы этот шиш получил бы только Шуйский — это мало бы затронуло русскую историю. Гораздо трагичнее то, что в эти печальные и сумбурные дни шиш получила Россия и, получивши его, вернулась к первому принципу, зародившему ее государственность, т. е. по старому примеру за спасением обратилась к «Варягам».

Русская официальная история, писавшаяся в дореволюционной России, вопреки историческому факту, весьма мало говорила и даже вообще стыдливо умалчивала о царе Владиславе I — Сигизмундовиче. Согласно этой истории было известно, что такой царь был действительно выбран кучкой бояр-изменников, но царствование его фактически не состоялось. Формально это не так. Царь Владислав Сигизмундович номинально все-таки не только царствовал, но и управлял, в лице своего отца польского короля Сигизмунда с 1610 по 1612 год. Правда, он никогда не был на Руси коронован. Но его именем издавались указы, его изображения чеканились на монетах и его титул «Царя Московского и всея Руси» провозглашался на ектиньях и многолетиях. И был он «Варяг» и в переносном и в прямом смысле этого слова, так как происходил от шведской династии Ваза.

Русский государственный Орел признал его своим законным государем и немедленно ответил видоизменением своей формы (15).

После взъерошенных, общипанных, жалких и дряблых Орлов предыдущих неудачных царствований в этом Орле прежде всего поражает его стабильность, устойчивость, даже величие. Правда, некоторая взъерошенность крыльев еще остается, но ведь и Русь еще вся взъерошена и не близко еще ее окончательное успокоение. Но оно идет! Мелкая перистость тела Орлова переходит в крупную, спокойную. Клювы приобретают ту форму изогнутости, которая характеризует польского Орла. Да оно и понятно! Осуществляется давняя мечта Ватикана о Русско-Польском Царе, Короле и Императоре. В силу этого короны на главах приобретают Западную Королевскую форму, а в правой лапе, впервые в истории русского государства появляется неведомый дотоле — СКИПЕТР. Этот повелевающий атрибут сменяет собою православный крест, являющийся камнем раздора и утверждает прин-

цип власти государственной, вместо власти религиозной. В левую лапу Орла снова возвращается, и на этот раз уже прочно, держава.

Рис. 15.

И тут совершается одно из самых фантасмагорических превращений. Пригодился «шиш» Шуйского! Прибавив к себе две веточки и стилизовавшись уже в ясную форму еловой шишки, весь стебелек превратился в схематически-стилизованную ель, выростающую из тела русского Орла. Что за странный символ и что он может значить? Ответ на этот вопрос ошеломляет своей неожиданностью: В родовом гербе дома Вазы, как раз находится ель!

Пусть попробует какой-нибудь диалектический или исторический материализм объяснить это новое поразительное чудо пророчества, побудившее горьких насмешников над судьбами России прозреть выростание из русского тела нового варяжского стебля, который впервые в русской истории простер над государством повелевающий скипетр, вместо мистического креста!

Основная идея настоящего очерка не может так легко оторваться от Владиславого Орла, хотя царствование это было только фиктивным и хотя фикция эта длилась всего два года. Орел этот стоит на грани двух эпох и внимательное

рассмотрение его открывает многое, как в подведении итога старому, так и в прогнозах последующего. Это побуждает сопоставить с сказанным еще одну версию, дающую иное объяснение происхождения этого Орла.

В нумизматических коллекциях Польши есть медаль с изображением Владислава, вокруг которого идет надпись на латинском языке «Vladislavus Rex Moskovitum» на одной стороне и именно этим Орлом, но без ели — на другой. Этот факт заставляет думать, что данная форма Орла — есть произведение не русских, но польских художников. Предположение это крайне правдоподобно, так как трудно было бы от русских ожидать создания такой, совершенно чуждой русскому изографическому укладу формы. В таком случае следует предположить, что форма эта была прислана в Москву, как образец для чеканки монет, печатей, прапоров, стягов и т. д. Отсюда следует, что русские прибавили только стебелек ели с шишкой, вероятно как насмешку над случайным царем, из царства которого выйдет столько же, как и из «шишки» Шуйского. Но в этом случае возникает новый вопрос. Почему все же была принята эта форма. Ведь такой импортированный Орел был уже не первым на Руси.

Признанный Царь Димитрий Иоаннович свою брачную запись Юрию Мнишеку скрепил «Сандомирским» Орлом. И этот Орел был привезен им в Москву, фигурируя на многих письменных актах, как Орел этого царствования. Когда будущая Московская Царица Марина была встречена у заставы Москвы пышным боярским посольством, она получила свыше 700 различных драгоценных подарков (список их приведен в Альманахе «Русские Древности») и на них была выдана царская дарственная грамота, скрепленная этим Орлом. Таким же Орлом были скреплены и дарственные грамоты всем польским вельможам ее свиты, возглавляемой ее отцом. Наконец такие же Орлы были приложены печатями к таким же грамотам, которые получило русское боярство в день царской свадьбы и воцарения. Из этого мы видим, что Димитрий или Лже-Димитрий настойчиво внедрял своего Орла в государственный обиход своего царствования. И все же Москва осенила его царствование своим взъерошенным, тревожным и неустойчивым Орлом. Почему же с Владиславовым Орлом не произошло подобного же? И тут приходится строить догадки, которые снова выводят нас в область предвидения.

Короткое, номинальное и, в сущности, фиктивное царствование этого государя фактически положило конец Смут.

Народ устал от крови, анархии и разорения. Жажда «скипетра», т. е. твердой власти пробудила тот патриотизм и ту волю к спасению Отечества, которая вылилась в Нижегородском Ополчении Минина и Пожарского и привела, в конечном итоге к освобождению Москвы и избранию новой династии. Все это огромное движение происходило уже не среди анархии, а во дни, хотя бы и фиктивного царствования, Царя Владислава. Его игнорировали так ,как будто его не было совсем. Но все это стало возможным именно только потому, что конец Смуты наступил не в 1613 году, т. е. в момент избрания на царство Михаила Федоровича Романова, но именно в 1610 году — в момент номинального вступления на престол царя Владислава I.

Конечно, волны «Смуты», или в действительности социальной революции еще долго перекатывались по обширнейшим просторам русской земли. Эти волны еще дыбились при царе Алексее Михайловиче ввиде вольницы Стеньки Разина; они рокотали и при Петре — в бунте Булавина; они, наконец, взмыли с новой силой при Екатерине в восстании Пугачева, радевшего о «простом народе», о «черном переделе», об уничтожении боярства и крепостничества и т. д. Но все же настоящий конец социальной революции пришел именно с воцарением Владислава. Выбор нового царя при благополучно-здравствующем старом нужно рассматривать, как акт революции *национальной*, который восстанавливал свой и государственно-политический и государственно-моральный суверенитет. На этой точке зрения стоит, по крайней мере, современная русская историософская мысль. Мы подчеркиваем термин «историософская», а не просто историческая, ибо в данном акте значительно сильнее были факторы психологические, чем материальные. Углубление этого вопроса выходит из рамок настоящего обозрения. Но в пределах нашей темы мы должны совершенно безоговорочно принять тот факт, что измененный до неузнаваемости русский Орел, утративший свои, казалось бы, самые незыблемые, исконные атрибуты — крест, как символ православия, Мономаховы шапки, как символ исторической преемственности и, наконец, самый герб Москвы — всенародно-чтимую икону — символ, оказался тем фундаментальным камнем, на котором воздвигалась новая династия, поведшая Россию новыми путями.

И, рожденный Владиславовым Орлом, новый русский государственный Орел 304 года нес еще на своих крылах судьбы Российской Державы, не раз оборачиваясь назад и

не раз прибегая все к тому же «варяжскому» источнику и в борьбе с внешними силами, и в борьбе со своею собственной анархической, антигосударственной стихией.

Любопытно привести еще одно свидетельство того, как Папский престол добивался осуществления идеи, отвергнутой Иоанном Грозным.

Еще задолго до номинального воцарения Владислава, в Риме была отчеканена «печать» с надписью: «Demetrius — Imperator Rex 1605—1606».

Нам нет надобности останавливаться на рассмотрении этого Орла (15а). Но одна маленькая деталь все же останавливает внимание: «Императорская» корона, помещенная над нагрудным щитом, где «Всадник» скачет справа налево, утверждена на той же шутовской и балаганной короне, которая венчала собою Орла Шуйского.

Рис. 15а.

III.

Торжественно, радостно и призывно гудят московские колокола. Залитое тяжелым кованным золотом и самоцветами духовенство, окруженное реющими в воздухе бесчисленными хоругвями, рипидами и крестами; утонувшее в бархате, парче, соболях и жемчугах боярство; белоснежные рынды со сверкающими топориками; воеводы и ратники в шишаках, кольчугах и шлемах; стрельцы в красных кафтанах с тяжелыми бердышами; дьяки, подъячие, приказные; всех родов люди — служилые, торговые, городские, посадские; наконец сошедшийся со всех сторон народ, павши на колени встречают своего нового, пресветлого царя, юношу Михаила Федоровича Романова.

Еще так недавно, в таком же великолепном и пышном церемониале шествовали из Архангельского в Успенский собор и царь Борис Годунов, и царь Димитрий Иоаннович, и царь Василий Шуйский. И та же законность была в их воцарении, и те же молитвы пело духовенство... Но где-то, в подсознании русского народа, жило ощущение непрочности и недолговечности их.

Царю Михаилу Федоровичу поверили как-то сразу все! И это ощущение прочности, надежности и устойчивости, это отдание себя во власть юноши, который должен основать новую династию, поднимающую на свои плечи всю тягость правления анархическим народом, готовым каждую минуту снова заняться истреблением и своей государственности и самого себя ;это сознание, наконец найденной опоры чудесно воспринимается там, на приказной избе, откуда снова из под рук безвестных Ивашек и Афонек вылетает на встречу царю новый Русский Орел (16).

Впервые появляется на Руси эта могучая форма. Мощным взмахом распростерты крылья. Крепкие большие головы

с грозно разинутыми клювами, увенчанны уже преображенными шапками Мономаха и впервые объединены одной общей, уже царской короной, которая довлеет над всем Орлом. На грудь снова возвращается Георгий Победоносец, но, как это ни странно, уже не в виде иконы, а только в виде некого воина-всадника.

Рис. 16.

Дело в том, что в изображениях на иконах, также как и вообще в канонах изографии Небесный Всадник всегда скакал слева — направо. Для России это знаменовало — с Запада на Восток, ибо на Востоке всегда гнездился ее вековечный враг — татары. Ныне же враг оказался на Западе. Польские шайки и целые отряды еще бродили по Руси. Рвы кремлевские еще хранили неубранные трупы поляков, недавно хозяйничавших в Москве. Иезуитские патеры и римская курия еще не оставила своих надежд на приведение «еретической» Московии к спасительной туфле Папы.

Защитник российской государственности и ее наиболее устойчивого государственного элемента — православия, Св. Георгий должен был обернуться против нового врага.

В мускульном, силовом напряжении сгибаются ранее растопыренные лапы. И в правой из них появляется введенный царем Владиславом повелевающий скипетр, заканчи-

вающийся однако осьмиконечным крестом. Так в этом скипетре царя Михаила Федоровича был найден синтез между идеей государственной и идеей религиозной. Для русского сознания они оказались неотделимыми. В левой лапе утверждается большая, полная и тяжелая держава.

В трудах и заботах о внутреннем успокоении прошло царствование Михаила Федоровича. Никаких особенно знаменательных событий, могущих бы отражаться на судьбах государства не произошло. И Орел ничего и не отобразил. Но общее предчувствие будущего могущества, славы и широкого государственного полета заложено в этом Орле так сильно, что в нем уже даже намечается предсказание Петра! И это предсказание мы можем увидеть в едва бросающихся в глаза деталях: неизвестно когда и по какому поводу, но вдруг, в течение царствования исчезает со скипетра крест и заменяется малым Орлом; одновременно с этим, средняя царская корона получает надстройку, в которой уже явно выражена форма короны Императорской. Во втором явлении объяснять нечего; но в первом можно задать себе вопрос — что это значит? Ужели найденный ранее синтез перестал удовлетворять? Ужели снятие креста означает отказ от вековечно-охраняющего православного символа? Тут можно строить целую философию. Ход рассуждений может быть примерно таков: — Православный символ — крест продолжает венчать и царскую корону, знаменующую Царя — «Милостию Божьей» и покоющуюся в левой руке державу, знаменующую православное царство. Но повелевающий скипетр, как символ власти, не должен умягчаться христианской кротостью. Самая христианнейшая держава для своего бытия все же должна подчиняться государственной необходимости. И практическое выражение этой философии нашло себе обоснование в том, что фактическим Государем и правителем был, в сущности не Михаил Федорович, а его умный и властный отец, носивший также титул Великого Государя — Патриарх Филарет. Все было в его руках. И, однако, не произошло того, что знает в своей истории Запад, где на весьма долгий срок власть духовная подчинила себе власть светскую, сделавшись сверх-властью, к которой в «каноссу» должны были ходить на поклон могущественные короли и императоры.

При встрече с Царем — Сыном, Отца Патриарха (тогда еще митрополита), возвращавшегося из польского плена, Отец поклонился в ноги сыну-Царю. Но и Сын поклонился в

ноги Отцу-Патриарху. Равновесие было найдено с самого начала и не нарушалось впредь никогда. Цезаре-папизм в России не развился.

Преемником Михаила Федоровича был его сын Алексей Михайлович. Странна судьба его Орла. Как будто на печатном дворе иссякает дар провидчества. Царствование, столь богатое знаменательными событиями, предвещенное мощью Орла предыдущего, вдруг, как будто, не находит ничего для выражения в теле Орлином. И только одна маленькая, но громадного значения деталь входит в этого Орла при коронации молодого государя. Всадник-копейщик герба Московского снова поворачивается с Запада на Восток, становясь таким образом снова иконой и снова Св. Георгием. И это, на первый взгляд, такое малое и, как будто, последовательно-традиционное изменение не замедляет сказаться в жизни Государства трагическими последствиями.

Снято с границы направленное на Запад копье воина-охранителя. И вот, в результате длительных и упорных стараний иезуитов, огромная часть православной Руси попадает под Унию с папским главенством. Это было тяжелым ударом для православия. Но другой, еще более тяжелый удар лежал впереди. Этот удар тоже малозаметной деталью трагически предсказывает Орел. Идея повелевающего скипетра предыдущего царствования размягчается кротким, набожным и не слишком волевым государем, прозванным «Тишайшим». И вот со скипетра снимается, не успевший там еще утвердиться, государственный Орел и вновь заменяется крестом. Кротость, христианское смирение и терпимость становятся руководящей силой правления. На практике, однако, все эти благостные слова приобрели совсем другое воплощение. Раскол, вызванный реформами Патриарха Никона, с соизволения и при поддержке Царя, на три столетия вперед породил источник тяжелой смуты, открыл шлюзы для потоков крови мученичества и изуверства и разделил русский народ на два враждующих лагеря, в которых вражда если постепенно и угасала, то отнюдь не на почве примирения, а исключительно на почве все растущей индиферентности и охлажденности к вопросам веры у той части, которая ушла за новшествами Патриарха. Старые хранители «древнего благочестия» остались верны «букве закона», не соглашаясь признать, что «буква» эта давно искажена. Но «буква» эта не убила в них Духа сурового и пламенного подвижничества и острого аскетизма, который привел к пагубному дроблению на бес-

численные и часто изуверские секты. Новые же апологеты «исправленной буквы» постепенно утратили духовное горение, подменив его торжественностью формы. На это, в свою очередь, в лучших представителях православного Духа не могла не возникнуть соответствующая реакция, которая выразилась, увы, в новом расщеплении на две ветви — Иосифлянскую и Нила Сорского.

Возникшая на Волге новая анархическая волынца широко включила в себя этот поток духовной смуты.

Почему мы с такими подробностями останавливаемся на этом событии русской истории, которое, как будто, не касается нашей темы, так как не отразилось на формах Орла? На это ответ впереди, в новом царствовании, которое для поддержки своего трона пробовало опереться именно на эту смуту.

Орел данного царствования, как будто изменяет своему постоянному прозрению и не отражает ничего. И только в 1653 год упроисходит событие, которое заставляет его вдруг, уже не провидчески, а повинуясь свершившемуся факту, кардинально изменить свою форму на странную, неожиданную, геральдически-небывалую и явно-надуманную фигуру.

После столетий тяжелой и кровавой истории, почувствовавшая себя не в силах для дальнейшей неравной борьбы с католицизмом и Польшей, Украина под мудрым водительством своего Гетмана Богдана Хмельницкого «бьет челом» Московскому Государю и отдается под его «высокую руку». И на торжествах по этому поводу в Москве появляется вдруг новый небывалый — *трехглавый* Орел (17).

Небывалая по форме и с явно-выраженным западным стилистическим влиянием корона объединяет эти три главы.

На торжественном выходе в Архангельский Собор Тишайший Царь Алексей Михайлович появляется со скипетяром, увенчанным именно этим Орлом. С этим скипетром изображен Царь на великолепно дошедшем до нас портрете, гравированным датским живописцем Прунсом. Портрет этот помещен во всех старых учебниках русской истории и нигде нет следов, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь обратил внимание на это редчайшее своеобразие русской государственной геральдики.

Три главы нового Орла должны были знаменовать новый титул русского государя: ВСЕЯ ВЕЛИКИЯ, и МАЛЫЯ, и БЕЛЫЯ РУСИ ЦАРЬ, ГОСУДАРЬ и САМОДЕРЖЕЦ.

В создании этого Орла, хотя он явился продуктом не предвидения, но только отражением совершившегося факта, есть однако и проявление того исконого чувства провидчества, что неизменно сопутствовало русским геральдическим живописцам. Крылья Орла опять взъерошились и загнулись вверх, как под влиянием дующего снизу ветра. Так было уже не раз, когда бури и вихри народных волнений взъерашивали Орлов Бориса, Димитрия, Шуйского... Этот ветер подул снова от волжской вольницы Стеньки Разина. И опять зашаталось Государство и опять стал непрочен и неустойчив полет Русского Орла.

Рис. 17.

В нашу тему не входит, как уже было сказано, рассмотрение различных видоизменений Орла, происходивших в пределах данного царствования. Но искусившись введением трехглавого Орла, нельзя обойти и того, который появился в годы Волжской анархии (17а).

Что в нем останавливает внимание?

Прежде всего то, что строение крыльев его вновь обращается к Орлу Димитрия (см. фиг. 13). Расставленные перья и ростущие между ними стерженьки уходят к форме «Апостолической Римской Империи». Этой же формы и все три не русские короны. Но самое главное — появление на

теле Орловом скругленных, неправильной формы щитков с гербами составных частей Царства: Киева, Казани, Владимира, Новгорода, Астрахани, Сибири и наконец Москвы в центре.

Рис. 17а.

Иоанн Грозный окончательно уничтоживший всякие остатки «Удельного Периода» и тем закончивши процесс, начатый еще Иоанном Калитой («Собирание Руси»), ни в каком случае не мыслил свою державу, как Федерацию. Появление поместных гербов на этом Орле не может найти себе толкования иного, как только «федеративного». Может быть это было сделано как успокоительный «комплимент» по адресу крупных государственных единиц? Может быть это должно было знаменовать могучую всеобъемлемость государства, которую не разрушит поместная вспышка антигосударственности? Можно строить всякие догадки, но пройти мимо этого явления вряд ли возможно. Но оно не одно. Хвост Орла, всегда являющийся «рулем» — планером полета — теряет свою органическую, перистую компактность и обращается только в орнамент.

Орел этот вскоре исчезает из обихода и только через 200 лет вновь возрождает свою форму в Орле последних царствований Императоров Александра III и Николая II.

*
**

Умирает царь Алексей Михайлович. И снова наступает своеобразный период междуцарствия. От первой супруги

царя — Марии Милославской остается два наследника — Федор и Иоанн. От второй — Наталии Кирилловны Нарышкиной — четырехлетний Петр.

Короткое царствование Федора не воспринимается Орлом никак. Ничего не произошло и предвидеть было нечего. Трехглавый Орел скипетра «Тишайшего» царя сдается на хранение в Оружейную Палату и над Русью продолжает парить ее старый Орел. Но почему же вдруг у Орловых творцов, как будто иссякает их дар провидчества? Не видят они ничего во тьме грядущего или, может быть, видят такое ослепительное явление, которому не только их глаза, но и вся их русская психика не решается поверить? Да, вероятно так! Потому что, едва Патриарх со своим Синклитом отпевает «Вечную Память» Царю Феодору, как над Русью взлетает новый и опять тревожный и опять пророческий Орел. В нем нет еще того ослепительного явления, которое таится впереди. Но в нем есть уже подготовка к тому, чтобы явление это логически выросло из всех предшествующих событий.

*
**

После недолгой борьбы с боярским выбором на царство малолетнего Петра, при регентстве его матери Натальи Кирилловны, путем многочисленных подкупов, интриг и кровавого Стрелецкого Бунта, на престол возводят второго Государя — слабосильного и ограниченного Иоанна. И за двойным царским троном, устраняя и Нарышкиных и Милославских выростает ТРЕТЬЯ глава — царевна Софья.

Вдумываясь в это обстоятельство, мы можем усомниться в правильности наших предыдущих рассуждений. Может быть, казавшийся нам надуманным трехглавый Орел Царя Алексея Михайловича, появившийся на его скипетре, как отражение свершившегося, в равной мере содержал в себе и предвидение будущего. Во всяком случае известно, что по обоим сторонам двойного серебряного трона, который стоял в Грановитой палате и за которым взвышалась властная фигура Правительницы-Царевны Софьи, стояло два низких серебряных же столика, на которых на красных бархатных подушках лежали с одной стороны держава, а с другой скипетр Царя Алексея Михайловича с трехглавым Орлом.

Но Орел этот был только на скипетре. Номинальное цар-

ствование обоих царей, а фактически царствование Софии, не могло не вызвать к жизни нового Орла. Он и взлетает (18).

В нем мы видим сильно вздернутые крылья — (форма до сих пор знаменовавшая вихри смуты). Раскрыты клювы, скорее всего «кричащих» голов и снова определенно — западная королевская корона.

Рис 18.

Что должна была знаменовать эта форма? Трудно ответить. Но особенно тесные связи, установленные Софьей с польским королем Иоанном Собесским, отказ его от притязаний на восточную Малороссию, наконец оборонительный и наступательный СОЮЗ с Польшей — обстоятельство небывалое еще в русской истории, все это, в связи с непомерными честолюбивыми замыслами Царевны — может быть могут пояснить эту непривычную для русского глаза корону.

И еще важные моменты в этом Орле: спадает с груди Московский герб — Георгий Победоносец, а заодно и венчающие обе главы короны. Почему обнажилась грудь Орлова? Для чего опорожнилось это место? Тут мысль снова возвращается к блистательному королю Иоанну Собескому. Не для его ли герба? История знает о романе Царевны Софьи с князем Голицыным. Но властные и честолюбивые натуры умеют отделять личные чувства от поставленных себе целей. Так

или иначе, но эта опустошенная грудь не может рассматриваться, как необъяснимая случайность. И объяснение этому приходит крайне неожиданно и уже после смерти Софьи. Среди ее вещей, найденных в Ново-Девичьем Монастыре, куда она была заключена Петром после Стрелецкого бунта, обнаружено майоликовое блюдо с Орлом, грудь которого была заполнена. Блюдо это было в свое время поднесено Софье князем Голицыным и на груди Орла, в овальном медальоне изображен портрет самой Царевны в царских бармах и с царской короной на голове. Может быть Голицын, ревнуя царевну к ее честолюбивым замыслам относительно Иоанна Собеского, пытался соблазнить ее возможностью, не деля ни с кем власти, самой самодержавно взойти на московский престол. Женщина на русском троне — было явление необыкновенное и к нему надо было овладеть поддержкой какой-то большой государственной силы. Такой силой были стрельцы. И тут мы подходим к ответу на тот вопрос, который был нами поставлен, когда мы с некоторыми углубленными подробностями останавливались на церковном расколе. Стрельцы ушли за староверами и Софья делала на них ставку. Как же Орел реагировал на это событие, расколовшее русское духовное единство. Небольшая деталь символизирует это огромное явление. Скипетр укорачивается для того, чтобы на нем вырос довольно большой осьмиконечный крест. Но вот что едва заметно: крест этот сверху до низу прорезан разделяющей чертой. Кто обратил бы внимание на это, если бы на это не указать? А между тем, эта незаметная на поверхностный взгляд деталь, этот штрих, впервые появившийся на православном кресте, не может быть объясним иначе, как то, что самый крест, сочетаемый с управляющим скипетром, раскололся на две части.

Таков странный и загадочный Орел Царевны Софьи. Продержался он однако не долго. После новой вспышки смуты — стрелецкого бунта, над Русью вдруг появляется новый Орел (19).

Хронология его появления не совсем последовательна. Он не сменяет существующего Орла Софьи, но появляется параллельно с ним. Враждующие между собою партии Нарышкиных и Милославских объединяют свои усилия, чтобы свалить, поддерживающих Софью, Голицыных. В одно и то же время два государственных Орла символизируют Государство. Две государственные печати узаконяют государственные акты. На одной — Орел, растерявший все русские

атрибуты, словно или собирающийся улететь из России, или впустить в нее чужое влияние. На другой — наоборот, Орел, являющий в себе какие-то новые, еще неосознанные, но уже очень большие и очень величественные предчувствия.

И первым таким предчувствием является императорская корона, которая повисает над обоими, еще не покрытыми главами. Почему они не покрыты? Почему одна глава, смотрящая на Запад, жадно раскрыла клюв и выпростала язык, а другая, смотрящая на Восток, закрыла клюв? Трудно ли распознать в этих главах двух государей — Петра, жадно глядящего на Запад и безмолвного Иоанна, консервативно глядящего на Восток?

Рис. 19.

На грудь снова приходит подобие герба московского. Но это, однако уже не московский герб. Форма щита из стилизованно-иконной становится геральдически-военной. Георгий Победоносец из иконы, в которой ему полагается, как мы уже говорили, скакать слева направо, поворачивает коня в противоположную сторону, становясь просто Всадником, Воином, Копейщиком. С этим мы уже встречались и это не ново. Но вот, что ново. До сих пор и иконописный Георгий и просто Всадник всегда попирали некого крылатого дракона — змия апокалипсического. На этом изображении апокалип-

сис уходит и страшный дракон превращается просто в змею, с которой Всадник уже не борется, а просто попирает ногами своего коня, не замечая ее, как не замечает и Фальконетовский Петр, взвившийся на скале на Сенатской площади в Петербурге. Голова змея справа, т. е. на Востоке. Всадник скачет налево, т. е. на Запад, куда глядит и западная глава, раскрывши клюв и выпроставши язык. Крылья опять же совершенно новой, небывалой еще на Руси формы. Сама стилизация их носит ярко выраженный западный характер, приобретая черту между крупными и могучими перьями. Но самое поразительное и самое, казалось бы, наивное — это два *цветочка* в сильных лапах. Откуда у живописца явилась эта странная идея? Уж не повторяется ли снова история с иронией еловой шишки Шуйского? Может быть да. Но это не ирония. Цари — дети! Что из них еще будет? Пока они только «цветочки», а ягодки впереди! И не содержится ли в этом вопросительном, детском Орле уже и ответ на вопрос о «ягодках»? И не является ли именно та *императорская* корона, которая осеняет еще непокрытые детские головы? Таков Орел царей Петра и Иоанна.

*
**

Но вот властолюбивая Царевна Софья, проиграв свою ставку на стрельцов, отправляется в монастырское заточение. Царь Иоанн V, выдавши одну свою дочь Анну за герцога Курляндского, а другую — Екатерину за герцога Мекленбургского, в 1696 году умирает и трон Государства Московского достается единолично Петру. И почти тотчас же Орел делает необычайный взлет (20).

Разомкнутые ранее перья крыл смыкаются в сильную и монолитную несущую поверхность. Их форма, имевшая еще мягкость округлости, сменяется прямыми, напряженными линиями. Обе главы мощно разверзают свои клювы и выпрастывают языки. Правая лапа загадочный цветочек превращает в повелевающий скипетр, увенчанный символом Государства — Орлом и левая, такой же цветочек обращает в меч! Всадник на коне попрежнему повернут на Запад.

Таким Орлом встречает Петра испуганная и притаившаяся Москва, когда Он возвращается из своей заграничной поездки и предпринимает свои гениальные реформы европеизации Руси.

Рис. 20.

Не страшно ли? Маститое боярство, а за ним и весь народ Московский, оскорбленный наплывом иноземцев, жестокой ломкой векового уклада, поношением религии в буйных забавах Петра — напуган, мрачен, замкнут в глухом и скрытом сопротивлении. А живописцы Печатного двора, плоть от плоти и кровь от крови того же народа, создают ликующую форму с такой выразительностью, что как бы гордятся ею. Откуда, каким таинственным глазом они могут видеть дальше, чем видит вся остальная Россия? Но они видят! Увидели и то, что Всадник, освободившись от борьбы с драконом, превратившимся только в незначущую змею, увозит Орла из древней, консервативной, затхлой, бородатой Москвы и на болотистых финских берегах возникает новая столица, новой державы — уже *Российской Империи* — Санкт-Петербург.

И там мощь Российского Орла увеличивается еще более (21).

Обе главы покрываются Императорскими коронами, объединенными парящей третьей. Уходит из левой лапы, уже закончивший свои борческие задачи, меч и воцаряется на место его могучая, тяжелая держава. Всадник взвивается на дыбы, разя змею, как оставшегося еще «внутреннего» врага. И покрывается тело орлиное Орденской цепью Андрея

Первозванного, как символом абсолютной и неразрывной связанности России с ее династией.

Цепь эта заканчивалась Андреевским крестом. В этом был свой символ и свой глубокий смысл. Учреждая этот Орден, Петр не дал ему характера ордена, жалуемого за заслуги. Это была и осталась впредь прерогатива только царствующего Дома. Почему же Петр не выбрал другого Апостола, например хотя бы того же Петра, не только как своего патрона, но и как «первосвященника», коему Иисус Христос завещал быть «камнем» для основания своей церкви? Петр выбрал именно Андрея по признаку «ПЕРВОЗВАННОСТИ» и сделав это прерогативой династии, указал на саму «первозванность» ее для России. Нет России без ее династии и не нужна династия без России. Наше трагическое время, через два столетия воочию доказало правоту этой мысли. Не стало династии и на месте России вырос ядовитый гидрид, отравляющий собою весь мир и перечеркнувший на географической карте одну шестую часть суши кровавыми буквами СССР. И сохранепные отпрыски Российской династии есть та светящаяся надежда, с которой убитый ныне Орел, вновь возлетит могучим полетом над измученной и искаженной страной и вновь соберет под свои парящие крылья племена и народы, являющие *Российскую Империю.*

Рис. 21.

В истории Петровского Орла интересно отметить еще один частный вариант: на корабле «Полтава», построенным самим Петром, был поднят флаг с Орлом, держащим в одной лапе факел, а в другой — развернутый свиток с планом города Санкт-Петербурга. Но если в этом варианте, не имеющим никакого общегосударственного значения, мы не можем усмотреть особенного интереса, то другой вариант, относящийся еще к детству Петра опять способен поразить наше воображение своей преемственной интуицией. Речь идет об Орле, нарисованным собственноручно Петром и вытканным сенными девушками царицы Натальи Кирилловны на знамени Потешного полка в то время, когда Петр, живя еще мальчиком в селе Преображенском, начинал свои военные забавы (21а).

Рис. 21а.

Каким подсознательным, интуитивным чутьем мальчик Петр мог дать своему полковому Орлу эти формы?

Мы уже знаем, что значат вздернутые крылья. Правда, они не так взъерошены, как тогда, когда их вздымали ветры социальных потрясений. Но все же — не пришлось ли Петру с этими выросшими потешными преодолевать старую анархическую вольницу и жестокими мерами усмирять Стрелецкий бунт, а потом и восстание Булавина.

У этого Орла только одна лапа? Почему Петр не пририсовал лапы второй? Может быть потому, что в его нетерпеливости ему не хватило усидчивости доделать это и он рассчитывал, что вышивальщицы сами по симметрии добавят нехватающее? Но мы знаем, что не в характере Петра было бросать недоделанное дело. В нарисованной лапе меч. Что

же было Петру для своего потешного полка дать лапе второй? Он всюду был окружен двуглавыми, государственными Орлами своего отца — царя Алексея Михайловича. Образец был. И тем не менее Петр решил создать для своих потешных своего собственного Орла. Каковы были «задачи» этих потешных? Пока Петр был только мальчиком — задач не было никаких, кроме только «потехи» военных экзерцисов. Для второй лапы атрибута не нашлось. Но вот, 17 лет спустя, взвиваются флаги на кораблях Азовского, потом Ладожского, потом Невского и наконец Балтийского флотов. Россия становится также и Морской Державой. И тут рождается вдруг афоризм, который своим отраженным светом вызывает из далей прошедшего детства однорукого Орла:

«ВСЯКИЙ ПОТЕНТАТ, КТО ТОЛЬКО ОДНО СУХОПУТНОЕ ВОЙСКО ИМЕЕТ — ОДНУ РУКУ ИМЕЕТ, НО КТО И ФЛОТ ИМЕЕТ — ДВЕ РУКИ ИМЕЕТ».

Не захочется ли нам лишний раз впасть в мистику необъяснимых провидений? Что значит этот пустой круг в орнаментальной раме? Почему Петр не нашел ничего, чем бы его заполнить? Георгий или Всадник — это все Москва! Петр подсознательно от нее отталкивается. Не на штыках ли своих детских потешных Петр на пустом месте финских болот воздвигает новый град нового Государства?

Еще обращает на себя внимание совсем необычные для Руси короны. Но если мы вспомним, что всеми потешными играми, в качестве учителя, руководил шотландец Гордон, то не станут ли понятными эти иноземные и, может быть даже, именно шотландские короны. Не шапки же Мономаха было Петру воздвигать на Орле, который резко обрывал всю русскую традицию.

Однако, вернемся снова к последовательности эволюции Орла. Принеся в жертву новой российской государственности своего сына Алексея, Петр положил начало новому своеобразному «междуцарствию», которое закончилось передачей престола новой Голштинской династии, связанной со старой только побочным родством по женской линии. Однако, прежде чем это произошло, были еще два царствования, связанные непосредственно с Петром. Короткое царствование его жены Екатерины Скавронской, возведенной Меньшиковым на престол под именем Императрицы Екатерины I-й и его дочери от этого брака — Императрицы Елизаветы Петровны.

Разительный скачек снова в тревожную форму делает Орел Императрицы Екатерины I-й. После Петровской компактности, монолитности, могущества и величия, новый Орел взлетает тем взъерошенным полетом, который мы наблюдали уже не раз в периоды смуты, брожения и неустойчивости (22).

Рис. 22.

Мы знаем уже, что знаменуют взвихренные снизу вверх крылья. Мы видели уже не раз символику мелкой перистости. Мы встречали уже также Орловую грудь обнаженную от традиционного Московского герба. Когда она обнажалась? В жалком и карикатурном Орле Шуйского; в Орле иноземного государя Владислава Сигизмундовича; в Орле царевны Софьи. Мы пытались уже давать истолкование причин этого обнажения. Шуйского просто не считали достойным быть царем. Владислав иноземец. Он не мог рассматриваться, как наследник религиозной идеи чтимого Русью Св. Георгия Победоносца. Софья — русская и кровью и душой, как мы предполагали, уготовала грудь Российского Орла для соединения с государством Польско-Литовским. Не толкают ли эти примеры сделать подобное же предположение и об Орле Императрицы Екатерины I. Пока она была просто женой Петра, все окружающие ее любили, ценили и уважали. Она единственная могла умиротворять яркие вспышки его гнева.

В этот же период, при жизни Петра, хотя и не любили, но не могли не считаться и с могуществом и с талантом Меньшикова, помогшим ему из уличных мальчишек достичь наивысшей роли в Империи. Но со смертью Петра сразу воспрянули старые консервативные круги. Меньшиков стал в их глазах узурпатором, а его ставленица и его опора, новая Императрица, превратилась в однозную фигуру «парвеню». Наряженные во французские камзолы и пудренные парики, вчерашние Московские бояре вдруг сразу вспомнили и о своей родовой кичливости и особенно о том, что новая Российская Императрица и «чухонка», и из самых низов народа, и «подобрал» ее Петр где-то в «болотах» Прибалтики. И сам Меньшиков и взращенная Петром новая европеинизированная государственная элита были достаточно сильны, чтобы не дать разрастись в бунт против трона всем этим подпольным недовольствам. Но ироническая кличка «Болотная царица» ползла липкой грязью по кругам тупых консерваторов. И вот, Орел этой Императрицы, сохраняя во всем, хотя и не Петровские, но вполне корректные формы, вводит вдруг странного вида лапы, держащие государственные регалии. Уж не с «болотных» ли лягушечьих раскоряченных лап срисованы они?

Рис. 23.

Могучий хвост, — планер Петровского Орла, руль государственного полета, вырождается в нелепый отросток неразработанного орнамента. Андреевскую цепь — прерогативу императорского дома, Орел этот не посмел возложить на себя.

Впрочем Орел этот продержался очень короткий срок. Есть сведения, что Меньшиков, обратив на него внимание, приказал изъять его из употребления и ко дню коронации Императрицы на всех официальных штампах появился Орел чрезвычайно близкий к Орлу Петра Великого (23).

В этом Орле обращает на себя внимание первое нововведение — связующая ленточка у корон. Не есть ли это просто мелкий штрих, принадлежащий первой женщине на троне? Есть и еще одно примечательное обстоятельство: Андреевская цепь «надетая» на Петровского Орла, здесь просто «наложена» на его тело. «Всадник» повернулся, став снова Георгием. Очень укоротились лапы, потеряв свою коленчатость. Уменьшились головы, вытянулись и утончились шеи и чуть-чуть раздробилась монолитность крыл. Сделать выводы о каких-либо предвещаниях вряд ли возможно. Да и что можно было предвещать? Царствование длилось всего 2 года и никаких событий, влияющих на судьбы Империи не произошло.

*
**

После смерти Екатерины I в течение 14 лет царствовало три лица: внук Петра Великого Петр II Алексеевич, сын убитого царем своего, консервативно настроенного наследника; племянница его Анна Иоанновна, герцогиня Курляндская и внучатый племянник Иоанн VI Антонович, герцог Брауншвейгский, при регентстве своей матери Анны Леопольдовны.

Начался длинный ряд дворцовых переворотов, в которых различные группы, партии и даже отдельные лица, опираясь на гвардейские полки, распоряжались российским троном, прибегая даже к цареубийству.

Короткие царствования Петра II и несчастного Иоанна Антоновича не нашли себе видоизменений в Орле, могущими быть проанализированы в качестве каких-то отражений. Тем не менее все-таки и лики и Орлы этих государей штамповались на монетах и Орел должен был принять какую-то, отличную от предыдущего, форму.

Оба Государя прошли под знаком этого Орла (24). Он не несет в себе Никакой оригинальности и анализ его дать ничего не может. Единственное на что можно обратить внимание — это на распущенную перистость крыльев и хвоста, что, как мы видели уже раньше, является признаком неблагоприятным.

Рис. 24.

Орел Императрицы Анны Иоанновны, отметившей свое царствование рядом знаменательных событий, вновь вводит нас в традиционную атмосферу символики форм, эти события отражающие.

Прежде всего необходимо отметить, что реформы Петра, выдернувшие Россию из средневековья и перенесшие ее сразу в XVIII век, не могли не отразиться на самом стиле рисунка, который воспринял эстетику царящего тогда Барокко и Рококо. А если прибавить к этому еще и оттенок, который наложили на этот изысканный стиль длительный период женских царствований, то придется считаться с тем, что не всякое изменение формы должно содержать в себе какой-то символ, имеющий непременно какой-то смысл и значение. Многое продиктовано только чисто-декоративными требованиями своей эпохи. Однако, под внешней декоративной формой незыблемо сохранилась значимость конструктивного принципа и преемственность старой символической традиции осталась незыблемой. Таким примером является Орел Императрицы Анны Иоанновны.

Чтобы понять сущность этого Орла необходимо, хотя бы в самых общих чертах вспомнить события этого царствования, особенно в той его части, которая в старых до-революционных школьных учебниках истории отмечалась лишь весьма схематически. Мы имеем ввиду первую и крайне серьезную попытку установления КОНСТИТУЦИИ.

Рис. 25.

После того, как не удалась попытка князей Голицыных, мечтавших, породнившись с династией, перенести столицу снова в Москву и вернуть Россию на старые, до-Петровские пути, возникла другая мысль — об ограничении самодержавия. История сохранила нам не менее девяти разработанных конституционных проектов, не считая множества всевозможных более мелких докладных записок, черновиков, просто писем и т. д. Из этого видно, что на российского Орла снова подули снизу ветры революционного духа. Правда, эти ветры шли уже не от народной анархической стихии, а, наоборот, от аристократического окружения трона. Поэтому они не могли взъерошивать Орла так, чтобы он терял свою государственную устойчивость. Но все же, старая традиция не уступила своего места какой-либо новой символике и Орел Императрицы Анны Иоанновны вздергивает и свои головы и свои крылья.

Верховный Государственный Совет, или так называемые «Верховники», остановившись на решении предложить освободившийся трон Российской Империи наиболее близкой по праву преемственности наследнице, племяннице Петра Великого — Анне Иоанновне, герцогини Курляндской, решил однако возвести ее на престол уже не с самодержавными, а с ограниченными правами.

С этой целью в предварительных переговорах ей было предложено подписать соответствующий акт, так называемый «*кондиций*».

Для ограниченной и властолюбивой женщины переменить бедное курляндское поместье на блистательный трон Российской Императрицы оказалось, конечно, очень заманчиво. Кондиции были подписаны и новая Императрица взошла на российский престол. С этого момента возникает новая, пагубная государственная анархия, выразившаяся в новой, своеобразной «с е м и б о я р щ и н е». Конституция идет не на пользу России, а лишь на пользу управляющих ею «Верховников», среди которых немедленно начинается склока и вымогание у трона различных прав и привиллегий для себя. Государство снова становится под угрозу взорвать бунтарский дух на низах, испытывавших на себе всю пагубность и несправедливость такой «аристократической» конституции. Среди немногих, действительно государственных людей, главным образом вознесенных Петром иностранцев, с графом Остерманом во главе, была понята вся огромная опасность этой конституции. Самодержавие, да еще при такой ограниченной Императрице, как Анна Иоанновна, не представлялось им идеальным решением вопроса. Но все же, положенное на государственные весы, оно рисовалось значительно лучшим, чем партийное управление сорящихся между собой честолюбцев. Граф Остерман, с группой единомышленников, опираясь на гвардейские полки Петербургского гарнизона, срывает эту конституцию. В торжественном акте, стоя у трона, Императрица разрывает подписанные ею кондиции и объявляет себя Самодержицей. Россия возвращается на старый исконный путь своего Единодержавия. Но тот же Остерман скоро увидел всю пагубность неограниченной воли ограниченой, беспечной и властолюбивой женщины. Новая Императрица окружила себя шутами и карликами, занялась карнавалами ледяных домов и катальных гор, устройством маскарадов и шутовских свадеб, фейерверками и вакхиче-

скими игрищами, а власть передала некоронованному Императору России — Бирону.

Такую форму приняло ПЕРВОЕ, формально-регламентированное законом, российское Самодержавие.

Мы говорим «первое», потому что фактическое самодержавие, бывшее до сих пор, вырабатывалось постепенно, наследственно, по исторической преемственности, опиралось на психологические, моральные и религиозные устои; ни кем, никогда не оспаривалось, было самоочевидным, понималось как Богоустановление и потому не нуждалось в формальном узаконении государственными актами.

Как же Орел отметил эту перемену? Прежде всего бросается в глаза непомерно вытянутая вверх форма всего тела (25). Вздернутые головы, ищущие крова под одной большой короной. Ленточка из под нее — наследие, введенное предыдущим женским царствованием. Крылья взъерошены и перистость, хотя и крупна, но не однородна. Хвост-планер достаточно могуч. Но есть явление гораздо более значительнее: Петровская Императорская Андреевская цепь заканчивалась просто Андреевским Крестом. Это была прерогатива Династии. Царствование Екатерины I крест заменило Орлом — символом России. Здесь же Орел — Россия перечеркивается Андреевским крестом. Что это значит?

Мы с достаточным вниманием останавливались уже на символическом смысле Андреевской цепи, возложенной на Орла Петром.

Россия и Династия — Династия и Россия приобрели в этом символе неразрывное единство. Но и сам Петр и все последующие Государи, при всей неограниченности своего Самодержавия, всегда оставались не только властителями, но и первыми слугами государства. В нововведении Анненского Орла смысл получился другой: — Династия на России, но сама Россия «привешена» к Династии. Именно это право на «привесок» позволило узаконенной Самодержице передать священные бразды правления «Управляющему Империей» Герцогу Бирону. Символ этот остался и во все последующие царствования, но история показала, что никогда впоследствии самодержавие не переходило столь резко к безразличному самоволию. И Екатерина, и Павел, и Александр, и все последующие Государи, оставаясь самодержцами, всегда оставались верными завету Великого Петра — быть первым слугой государства. Несчастнейший из несча-

стных русских Венценосцев Император Николай II закончил трагедию своего царствования словами: — «Нет той жертвы, которую Я не принес бы для России». Увы, жертва оказалась не только напрасной, но и пагубной: — не стало династии, не стало и России.

И еще одна небольшая деталь: Петровский Всадник снова поворачивается на Восток, становясь Георгием и приобретая противником вместо змеи — ЗМИЯ. Но окружающая его рамка стиля Роккоко существенно мешает восприятию изображения, как иконы.

*
**

Восшествие на престол Императрицы Елизаветы влечет за собой кардинальное видоизменение Орла (26).

Рис. 26.

Крылья хотя и подняты, но в них нет ничего тревожного. Никакой взъерошенности, никакой мелкоперистости. Наоборот — все сжато и крупно. Внутренняя трехступенчатая пластика дает устойчивость и широту парения. Мощный, компактный и могучий хвост служит надежным рулем для направления полета. Но куда летит этот Орел?

Его клювы почти закрываются. И Всадник, и Георгий исчезают с груди Орловой и покрывается она странного вида щитом, на котором возникает неканонический крест, излучающий из себя сияние. Ленточки у средней короны исчезают также, как исчезает и Андреевская цепь. Уходят также и атрибуты власти — скипетр и держава и заменяются пальмовой ветвью в правой лапе и мечом, обвитым цветущей гирляндой, в левой. Полнейшая трансформация! Ничего не остается от Императорской власти. Вся власть растворяется только в самом символе России.

Чем ответило царствование на этого Орла? Отменой смертной казни; основанием первого русского университета; распространением всеобщего народного образования; развитием и поощрением искусств; наконец рождением русской науки в лице Ломоносова. Остается еще мало-объяснимым символ креста на груди, ибо никакой особенной заботы о религии проявлено не было. Наоборот! Если царствование началось с благочестивого паломничества Императрицы пешком из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру, то закончилось оно настоящим гонением на монастыри. От них отбирались земли и имущества. Монастырские крестьяне переводились в государственные. Монахов отправляли в солдаты. Неправедных иереев и даже архимандритов просто секли, а строптивых Владык, лишая сана, ссылали на дальние поселения. Ликвидировано было не меньше трети всех монастырей? Откуда же взялся крест? И если, все-таки, попытаться найти этому какое-то логическое объяснение, то единственным предположением остается российский трагизм иссякания династии. Действительно, никаких наследников по мужской линии больше не было. Оставалось отдаленное родство по побочной линии женской, но это родство уже только номинально хранило в себе отпрыск русской династической крови. Россия становилась «беспризорной» и ей оставалось только отдаться на Волю Божью. Ей нельзя было стать даже под сень своего православного креста, так как возможные ее наследники не были православными. Но она не могла также стать и под знак креста католического или протестантского. Этому мешала вся ее историческая и моральная традиция. И вот появляется безличный, бесконфессиональный крест, чтобы под его сенью открыть путь спасения преемственности династии.

Еще при жизни своей, озабоченная судьбами России, Императрица Елизавета Петровна устраивает брак герцога Ульриха Готторп-Голштинского, принявшего в православии

имя Петра, с принцессой Софией — Шарлоттой Ангальт — Цербстской, принявшей в православии имя Екатерины и объявляет этого новоявленного Петра III наследником российского престола. Этим, единственно возможным актом, Россия ограждалась от неминуемой новой грядущей анархии. Но этим же актом она передавалась во власть нового Голштин-Готторпского дома, который, чтобы не смущать умы русского народа, вместе с православными именами воспринимает также и старую династическую фамилию Романовых.

Это было действительно отдание себя на Волю Божью. И если вынужденный выбор императрицы по мужской линии был неудачен, но неизбежен, то выбор по женской оказался столь блистательным, что в плодотворности и цветении его утонули все сомнения.

*
**

Весьма кратковременное и полное оскорблений для русского национального самолюбия царствование Петра III не встречает никакого отклика в русском Орле. Ни бессмысленная потеря всех успехов Семилетней войны, ни перестройка всей армии и администрации на прусский образец, ни, наконец, бессмысленно-грандиозный замысел *лютеризировать* Россию — не находят себе отражения. Будто знает Орел, что все это временно и скороперехолящее и потому Он хранит свою преемственность от Петра, чтобы передать ее в руки достойного продолжателя. И этот продолжатель не замедляет явиться. На престол вступает Императрица Екатерина II.

Весь блеск и благодетельность ее царствования, весь пафос и динамика ее государства переливаются в насыщенную и монументальную форму ее Орла (27).

Могучая, грандиозная форма! Величие, блеск и несокрушимость Империи! Второе и последнее лицо на русском троне, венчанное титулом «Великой». В этом Орле мы отмечаем тот же принцип, что и Орле Петра. Оба царствования были так грандиозны, так насыщены огромными и славными событиями, что Орел не может, да и не хочет на себя брать задачи отражать отдельные моменты. Все что было тревожного и не совсем удачного, все это потонуло в вознесшемся величии, отлитом в одну монолитную и торжественную форму.

Екатерининский Орел очень ясно выражает женское царствование. Его округлые и мягкие крылья, как бы прости-

раются материнским прикрытием Отечеству, над которым он парит. И так он, в то же время, могуч и силен, что не поддуют его ветры новой социальной смуты, хотя она бушевала в попытке Пугачева установить своего «мужицкого царя». Так же и монолит Петровского Орла ни мало не поколебался ни бунтом Булавина, ни, почти катастрофическим концом, Прутского похода.

Рис. 27.

В Орле Екатерины снова появляется, но уже не «ленточка», а вьющаяся лента, логически связующая в одно все три короны. В Анненскую рамку Роккоко вносится полностью щит Петровского герба. Всадник устремляется туда же, куда скакал он и при Петре. Промежуточные события, позволившие змее снова вырости во внутреннего змия, заставляют Всадника разить его копьем. Наконец династическая цепь с символом России, сопряженной с Династией, умещается в хвосте-планере полета, знаменуя этим то направление, которое дает этот «руль». Таков Орел Императрицы Екатерины Великой!

В чеканке российских монет этого царствования было много произвольных форм Орла. Наиболее интересная из них и достойная истолкования — Орел, появившийся в эпоху Пугачева, как бы в противовес тому, который чеканил Пугачевский лагерь. В этой форме обращает на себя внимание

огромная корона, охватывающая всего Орла (27а). Крылья его однако подняты.

*
**

Орел Императора Павла I нарушает всю ту систему последовательности, которую мы наблюдали до сих пор. Этот Орел создается еще задолго до кончины Императрицы Екатерины II, создается в Гатчине, где уединенно, окруженный своими батальонами, живет Цесаревич Павел, ненавидящий

Рис. 27а.

свою мать и весь петербургский двор. Создается этот Орел для отличия гатчинских батальонов от всей остальной русской армии, поступая к ним для ношения на пуговицах, на поясных бляхах, на ладунках, на головных уборах и т. д. Наконец он появляется и на штандарте самого Цесаревича. Самое замечательное во всем этом то, что создает его собственноручно сам Цесаревич Павел (28).

Если до сих пор мы имели дело с подсознательным творчеством людей из русского народа, сидящих за этим занятием в соответствующих государственных учреждениях, то сейчас творчество это перешло непосредственно в династические руки. Посмотрим насколько проявилась личность самого династического творца и насколько он бессознательно подчинился уже старой, ставшей почти окультной традицией провидчества.

Что здесь от Павла! Все! Явно противоположная форма Орлу своей матери. Там крылья опущенные, обнимающие,

здесь вздернутые, летящие. Там клювы разверстые — здесь замкнутые. Там лента проходит под головными коронами, связуя их, здесь над ними, но зато связует крылья, как бы не давая им опуститься. Там в рамке Роккоко Петровский щит со скачущим на Запад Всадником — здесь вновь Георгий, но на щите перевернутым острием кверху. Прерогативы Императорской власти остаются незыблемо те же. Все это очевидно *сознательно*, чтобы противопоставить себя Матери. Но вот что бессознательно или вернее *подсознательно*, как веление старой провидческой традиции: Мы столько раз уже наблюдали, что вздернутые крылья с взъерошенными перьями всегда были провозвестниками бунтарского духа и социальных потрясений. Павел сам начертал себе эту форму и 11 марта 1801 г. пал от руки дворцовых цареубийц.

Рс. 28.

Все Мальтийские эмблемы, конечно, не Гатчинского происхождения, а внесены в Орла по Высочайшему повелению тогда, когда Российский Император возложил на себя корону Магистра Мальтийского Ордена (28а). Орел этот впрочем удержался не долго и был заменен другим, который был окончательно подавлен Мальтийским Крестом.

*
**

В предутренние часы трагической ночи цареубийства, небрежным окликом графа Палена — «Ваше Величество, ступайте царствовать!», молодой Император Александр I вступает на российский престол. Ко дню его коронования над Российской Империей взлетел новый Орел.

С него слетают Мальтийские эмблемы, но по сути он остается близким к прежнему. Однако, есть и существенные изменения.

Рис. 28а

Крылья хотя и также взъерошены, однако поверхность все-таки компактна. С другой стороны перистость Павловского Орла гораздо болеее крупна, чем у Орла нового, а мелкая перистость, как мы уже не раз отмечали, признак не благоприятный. Тело Орла короче и полнее и хвост, долженствующий служить рулем полета, из орнаментально-расчлененного становится сомкнуто-цельным (29).

Однако, он все же слишком короток для этого тела и может знаменовать, что будущий государственный полет будет направляться не столько рулем, т. е. твердым и целеустремленным курсом, сколько одними крыльями, движения которых подвержены всяким случайным ветрам. Будущее оправдало этот прогноз и в связи с изменившимся мировоззерцанием Императора, кардинально изменился и самый Орел.

Не встречаем ли мы противоречия в разнице перистости Орлов Отца и Сына? Отец, с крупной перистостью своего Орла, был убит. Сын, мелкой перистостью своего Орла, возлетел на небывалые вершины. Изменил ли в этом дух уста-

новившейся символики? Нет! Наоборот, он с необычайной тонкостью подчеркнул независимость прогнозов народной стихии от аристократической верхушки, совершившей злодеяние цареубийства. Императора Павла ненавидела именно только эта верхушка. Народ его чтил и любил, видя в нем заболтивого Отца, стремящегося сблизиться с народом и узнать его нужды. Знаменитый почтовый ящик, куда каждый мог положить свое личное письмо Императору был предметом разговоров во всей Империи. Бунтарского духа против Павла в народе небыло. И перья крыл Орловых были крупны и цельны. Наоборот, под крылами Александровского Орла развился дух масонства, пагубного либерализма и революции, охвативший уже и народную периферию в лице ее армии

Рис. 29.

и гвардии. Крылья, сохраняя монолитную цельность поверхности, измельчали в своей перистости и этим предсказали грядущее потрясение. Примечательно, что насколько в Павловском Орле головы оказались непомерно велики, настолько в Орле Александровском они непомерно малы. Их клювы закрыты и от вздернутости голов, венчающие их короны почти сползают на затылок. Лапы также значительно видоизменены. Они стали короче, утратили свою коленчатость и этим потеряли мощь. Регалии — те же, но скипетр сменяет свою строгую форму, прибавляя в виде украшения бутон

нераспустившегося лотоса, которым так богата египетская орнаментика. Если мы вспомним, что царствование это дало широкий простор развитию в России масонства и если вспомним, что в декоративной орнаментике масонства широко применена египетская окультная символика, то и этот, ничего не значущий на первый взгляд штрих, осветится своеобразным значением. Корона теряет свои ленты, но зато пополняется блеском драгоценных камней, слегка изменяя свою форму. Меняет форму также и щит герба Московского. Все эти признаки сами по себе не столь существенны, чтобы из них делать какие-либо выводы. Но через 13 лет по вступлении на престол, Императора охватывает мистика, покаяние и широкий либерализм. Россия и ее Император достигают наибольшего блеска своей истории. Сокрушение Наполеона и возможность фактической гегемонии над Европой, казалось, могли бы привести русского Орла к необычайным формам помпезности и мощи. Происходит однако не так. Новая трансформация Орла ознаменовывается самым неожиданным образом. Подобно трем изменениям Петровского Орла, происходившим в пределах царствования и знаменовавших рубежи разных периодов российской истории, новый Александровский Орел также ознаменовывает новую эпоху, открывшуюся после Отечественной войны. И трансформация эта выражается, вопреки общепринятой логике, самым причудливым, самым небывалым, самым загроможденным атрибутами и *наименее* императорским Орлом, хотя сама Империя достигает в этот момент своей наибольшей славы (30).

Рис. 30.

Крылья распростерлись в небывалый еще широкий полет. Им суждено было вынести русского Орла за пределы России, долететь до Парижа и осесть в Венском конгрессе для творчества новой Европы, под эгидой Священного Союза. И, несмотря на этот величайший престиж русского Императора, несмотря на наличие первоначально-преданной престолу армии, Орел сознательно отказывается от всех атрибутов Императорской власти. Уходит династическая Андреевская цепь; уходят головные короны; уходит держава и скипетр и заменяются масонским жезлом и революционным факелом, аллегорическим венком и молниями. Связующая ранее короны лента спускается вниз для того, чтобы переплести все эти атрибуты, столь непривычные в Орловых лапах. Да и сами лапы, впервые в истории Орла, нарушают геральдическую симметрию и становятся натуралистическими, видимыми в ракурсе: — правая поджатая под себя и левая, согнутая в локте, поднятая вверх. Георгий на груди помещается в странного вида щите с весьма вытянутым отростком вершины, который соприкасается с короной.

Если мы вспомним, что царствование это, начавшееся с обожания Государя, с наименования его «Ангелом», «Богопосланником», «Благословенным» и т. д., закончилось «Тайным Обществом», охватившим всю гвардию и значительную часть армии; если вспомним, что целью этого Общества была революция, предусматривавшая не только цареубийство, но и поголовное истребление всей царской фамилии; если вспомним, наконец, таинственную незавершенность этого царствования, упирающуюся в почти доказанную современными исследованиями легенду о Федоре Кузмиче и т. д., — то

Рис. 30а.

отказ этого Орла от атрибутов Императорских в пользу атрибутов масонско-революционных станет трагически понятен.

И Орел коронационный и, тем более, приведенный Орел масонский, не были однако сколько-нибудь продолжительное время эмблемами Империи. Обиходный Орел, штампованный на монетах и различных государственных бумагах был приводимый здесь: Он вошел в историю под именем «Александровского Орла! и тесно переплелся с орнаментом так называемого «Александровского Ампира» (30а).

*
**

Не пришлось князю Трубецкому, «избранному» Тайным Обществом в диктаторы, простереть над Россией вместо императорского скипетра масонский жезл. Новый, сильный волей и сознанием долга перед Россией, Император Николай I пушками на Сенатской площади разносит «дворянскую» революцию и над Россией взлетает новый, впервые в ее истории, *черный* Орел (31).

Рис. 31.

Как объяснить этот черный цвет? Облекается ли с этого момента Орел в траур по самом себе, уже предчумтвуя, уже предвидя, что взлетев в огне революции, оторвав с боя трон у Декабристов, ему никогда уже не избавиться от революционных вихрей и, вероятно, сгореть в революционном огне.

Еще сильная воля Императора не позволила крыльям вздернуться вверх, как это всегда бывало до сих пор. Наоборот, воля эта в предельном напряжении распластала эти крылья над Россией и вернула все атрибуты Императорской самодержавной власти. Но головы втянуты в плечи. Они грозны, они мощны, но они не парят больше над телом. Они замкнули свой кругозор. Наступил тот период, который русская либеральная история назвала «черной реакцией» и который в действительности был периодом укрепления расшатанной Империи, т. е. тем деянием, которое исторически было наиболее нужным. Сопоставляя на всем протяжении истории мысль Императоров, независимо от их личных дарований или недарований, с мыслью либеральных рачителей о судьбах Государства Российского, нельзя, оставаясь объективным, не отметить того, что государственное мышление так называемых «реакционных» Самодержцев было куда более дальновидным, чем весь химерический пафос либеральных «спасителей отечества». Империя развивалась спокойной, эволюционно-исторической поступью. Конечно, ни одно человеческое деяние не свободно от человеческих ошибок. Но в преемственности монархической власти, могущей не считаться с временными и скороперехолящими течениями так называемой «общественности», которая, как показал Мировой опыт во все времена и у всех народов, совершенно не способна мыслить исторически, ошибки одного царствования эластично и безболезненно исправлялись царствованием последующим и в этом был тот разумный и благодатный прогресс, который вел государство со ступени на ступень к благоденствию. Без цветистых фраз и заманчиво-демагогических обещаний; без рекламы и похвальбы «достижениями» Россия, ко дню своего злоумышленного крушения, под эгидой своих Императоров и при враждебной критике либеральных рачителей о судьбах народа, подошла уже к таким вершинам всестороннего и духовного и материального расцвета, при котором нынешний лозунг «догнать и перегнать Америку» мог бы иметь скорее отрицательный чем положительный смысл.

Необходимо отметить, что как только окончился «процесс Декабристов» и взбаломученная либеральная стихия была введена в государственное русло могучей волей нового Императора, Орел тотчас выходит из своей «внутренней» формы и головы его немедленно поднимаются над крыльями (31а).

Этот Орел, знаменующий все последующее царствование был выкован в предельно монументальную и могучую форму. Он также вошел в архитектурную орнаментику нового, предельно строгого и исключительно-благородного стиля, известного под именем «Николаевского Ампира». Этот период царствования русской либеральной интеллигенцией был назван эпохой «черной реакцией». Только злонамеренное и клеветническое мышление могло так назвать эпоху, которая на самом деле была самой блестящей эпохой всестороннего развития и взлета русского гения. Достаточно вспомнить, что именно в это царствование над русским горизонтом взошла сверкающая плеяда незакатных звезд Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Достоевского, и ряда других, как Жуковского, Крылова, Грибоедова, Гнедича и т. д. — в литературе, сразу завоевавшей себе мировое значение.

Рис. 31а.

Глинка и Даргомыжский открывают драгоценные кладези народного мелоса и последователи их — «могучая кучка» выводит русскую музыку на мировую дорогу. В живописи Брюллов, Левицкий, Боровиковский и др. создают ценности до сих пор не тускнеющей гордости музеев. Казаков и Воронихин украшают Петербург непревзойденными по строгости и благородству форм архитектурными ансамблями. Россия выходит на широкую мировую дорогу и ее цветущий культурный гений становится предметом напряженного внимания всего мира.

Это и есть та «черная реакция» и «удушение духовной свободы», которую принес своему народу Император, гнусно

прозванный «жандармом Европы». Такова «объективность» истории!

Прежде чем перейти к Орлу следующего царствования следовало бы сделать небольшое пояснительное примечание. Многим, особенно Петербуржцам, а также военным, приведенные выше формы Орлов могут показаться незнакомыми. Они привыкли к иной форме Николаевского орла (31в).

Рис. 31в.

Эта форма, очень заполнившая собою всю Николаевскую эпоху выражается Орлом, вписанным в низкий треугольник. У него растянуто-опущенные крылья и все тело крайне схематизованно. Эта форма вызвана случайностью архитектурной необходимости. В продолжении всего царствования шла усиленная деятельность Инженерного Ведомства. Строились крепости, казармы, арсеналы, госпиталя, различные государственные учреждения и т. д. Царящий строгий стиль «Николаевского Ампира» широко пользовался формой греческого классического фронтона. Архитекторы, украшая фронтон Орлом, принуждены были считаться с необходимостью заполнить площадь низкого треугольника. Отсюда и появилась эта форма. Ее строгая стилизация оказалась неразрывной с эпохой и с архитектурного фронтона она перелетела на различные эмблемы — полковые значки, жетоны, ювелирные украшения и т. д. Форма эта, однако, никогда не приобрела официального государственного значения.

***

Из царствования Императора Николая I невозможно уйти, не остановившись еще на одном Орле, о котором совершенно не повествует наша обычная школьная история. Между тем он знаменует выдающееся событие царствования. В 1829 году Император Николай I короновался в Варшаве королем Польским.

В честь этого имперского акта была выбита медаль, Орел которой венчал все декоративные украшения коронационных торжеств в Варшаве (31с).

Рис. 31с.

В этом Орле мы видим нагрудный герб вместо традиционного Московского «Белый Орел» Польши. Обращает на себя внимание непомерно выросший крест на державе. Надпись на ободке: «VIVAT REX AD AETERNUM — CORONATION IN WARSHAWA 1829».

*
**

Совершенно разумно и логически сознавая, что реформы, идущие сверху, способствуют благоденствию и укреплению государства, в то время, как *те же* реформы, проистекаемые от давления снизу, расшатывают и разрушают государство, Императорская власть Александра II пошла по пути просвещенного гуманитарного законодательства, обеспечивавшего России наиболее разумный и эволюционный либерализм. Освобождение крестьян и установление лучшего и гуманнейшего в мире суда вновь возвращает Орлу блеск золота. Но чтобы увидеть грядущие и светлые дали, Орлу приходится опустить крылья (32). В опущенных крыльях, как мы видели, всегда присутствует покой и благоденствие государства. Ни-

каких брожений народной стихии нет. Меньше всего они могли бы быть в этом царствовании, которое десятки миллионов крепостных освободило для вольной и свободной жизни. Раскрепощенная творческая энергия народа проникается духом предприимчивости и государственный Орел лишает себя тех атрибутов, которые, как казалось, до сих пор, могли эту предприимчивость вести по указе. Спадает династическая цепь. Скипетр и держава заменяются факелом и венком. Это не масонские символы Орла Александра I. Это тот эволюционный путь гуманитарного прогресса, который переводит самодержавное единоволие в представительную волю русской земли.

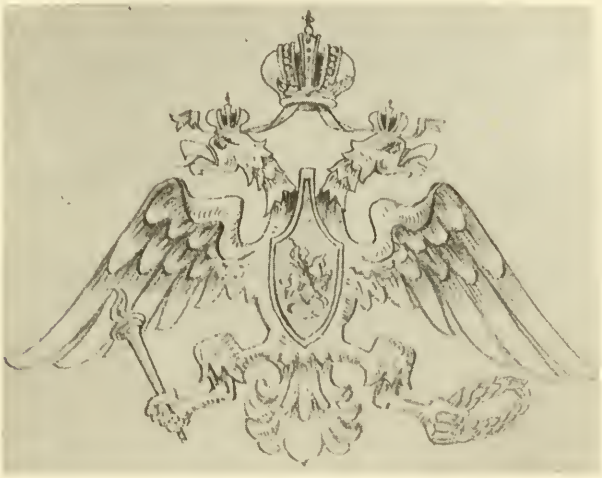

Рис. 32.

Логическим продолжением всего устремления этого царствования должен был быть манифест о даровании конституции. Он и был уже написан и лежал на царском столе в ожидании подписи. Вопреки воле всей России, вопреки всей исторической логики и всякого государственного смысла Царь-Реформатор, Царь-Обновитель, Царь-Освободитель был убит бомбой изуверствующего революционера. Не было уголка в России, где не оплакивалась бы эта смерть. Не было уголка, где не неслись бы проклятия по адресу негодяев, во имя какой-то химерической мечты, разрушающих Россию. Но подпольная революция торжествует! И среди все-

общего смятения умов на престол восходит новый волевой человек Император Александр III.

В продолжение царствования венок и факел несколько раз сменяются скипетром и державой и несколько раз возвращаются вновь. Манифест о даровании конституции должен был быть скреплен печатью именно с этим Орлом, которая уже лежала на столе убитого императора.

*
**

Новое царствование начинается тронной речью, в которой торжественно объявляется программа охранения основ самодержавия. Снова выползло из российского революционного подполья липкое слово «реакция». Не много находится государственных умов, которые понимают, что после цареубийства реакция есть не эгоистическое цепляние за власть государя, а единственный необходимый государству путь, чтобы предохранить его от ската в пропасть. Мы уже отметили, что реформы, дарованные сверху — есть признак могущества и устойчивости государства.

Реформы вынужденные давлением снизу — есть первый симптом развала власти, а с нею и государства. Император Александр III не имел иного выбора. Но нового российского Орла творил не Император. Его создавали все те же безвестные живописцы и граверы на монетном дворе или в экспедиции заготовления государственных бумаг, которые подсознательно, сохраняя традицию таинственного провидчества, выпускают нового Орла, загримированного под декларацию тронной речи (33). Этот «грим» самодержавной мощи накладывается на резко-выраженную революционную форму, маскируя ее небывалым еще нагромождением атрибутов Империи.

В нагрудном щите московском Всадник написан по всем изографическим канонам, вплоть до расцветки — *белый* конь, *синее* небо, *красный* дракон — но он тем не менее не иконописный Георгий, так как обращен в обратную сторону. На крыльях Орла, для вящего его возвеличения, помещаются гербы: Царства Казанского, Царства Астраханского, Царства Польского, Царства Сибирского, Великого Княжества Финляндского, герб Херсонеса Таврического, Соединенный герб царств Кавказа — Грузии, Иверии, Карталинии, Кабарды и Армении, наконец, соединенный герб древних княжеств Ки-

евского, Владимирского и Новгородского. Орел содержал в себе тот *полный* титул российских Императоров, который только в очень редких случаях употреблялся в торжественных манифестах. Обычная формула была с указанием только трех государств Империи: «Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский»... Далее следовало: «и прочая, и прочая, и прочая». Это «прочая» помещено на Орле.

Рис. 33.

Возвращается Андреевская цепь. Лапы снова мощно несут скипетр и державу. Клювы грозно раскрыты и языки выпростаны. Общий вид Орла весьма весьма внушительный, торжественный и могучий. И только анализирующий глаз исследователя обнаруживает под всем этим декоративным нагромождением масок мощи и устойчивости совершенно явно и резко-выраженную революционную форму. Так резко, как это было только в первую социальную революцию, во дни Самозванца, Междуцарствия и Тушинского вора.

Вздернуты крылья, взъерошены перья, разбиты и изогнуты ключицы, абсолютно растрепанный хвост, переставший быть направляющим полет рулем, а превратившийся только в декоративный орнамент... Все это, приведенное художниками в очень стилизованные и гармоничные формы, созда-

вало впечатление вполне законченной и стабилизованной геральдической аллегории. И только теперь, когда сброшены все покровы с великой Империи, мы слишком запоздало можем прочесть угасшие письмена.

Железная воля Императора Александра III удержала его царствование от ската в пропасть революции. Чудом избежав гибель при революционном покушении на него у станции Борки и уйдя в Гатчинское затворчество, Император высочайшим указом впервые в истории России *стабилизирует* русского Орла.

В 1892 году в Своде Законов Российской Империи, в томе I, часть I — впервые появляется *точное* описание Государственного герба, который с этого момента становится незыблемым.

Динамика символизации окончилась. Четырехсот-двадцати-двух-летний живой полет истощился. Отныне он уже только мертвый геральдический символ. Ему больше не надо пластики. Его тело становится только графическим плоским орнаментом. И что это именно так с разительной очевидностью подчеркивается Андреевской цепью. Раньше она, как и всякая нагрудная цепь или ожерелье, *надевалось*, как на трехмерное тело, т. е. перекидывалась за головы, проходила за шеями и спускалась на грудь. Теперь она только *наложена* на плоское тело. Ощущение третьего измерения исчезает. Живого Орла больше нет! Это только его графическое, орнаментальное изображение.

В таком виде воспринимает его новое царствование Императора Николая II. И никакие потрясения этого царствования, ни даже само крушение великой Империи на этом Орле уже не отражаются. Орел умер! Осталась только подменившая его графика.

И когда в 1917 году чернь, руководимая демагогией «прекраснодушных» либералов и прогрессистов, с бессмысленным улюлюканьем вседозволенности, сбивала старых золотых Императорских Орлов со всех архитектурных украшений, на банкнотах Временного Правительства вдруг появляется новый Орел. Странным образом его форма почти точно возвращается к тому первичному истоку, который привезла с собою на Русь Византийская Принцесса Софья Палеолог (34).

С него слетают все атрибуты какой-нибудь власти, но все же он снова наливается плотью и становится трехмерным.

Рис. 34.

Однако длится это не долго. Очень быстро художники Экспедиции заготовления Государственных бумаг поняли, что они ошиблись. Изменил ли им четырехсполовиновековой дар пророчества? Вероятно, да! И, конечно, это могло случиться под влиянием ликующего психоза всей, потерявшей государственное сознание, страны. Но вековая традиция действует неумолимо. И уже через кратчайший срок там, на Монетном дворе, приходит новое, странное и неожиданное видение .На банкнотах Временного Правительства (единственное место, где еще появлялся двуглавый орел) появляется изумительная трансформация. Плоть Орла развеществляется. Он становится прозрачным и сквозь него, в лучах какой-то неведомой еще зари, проступает знак Свастики (35).

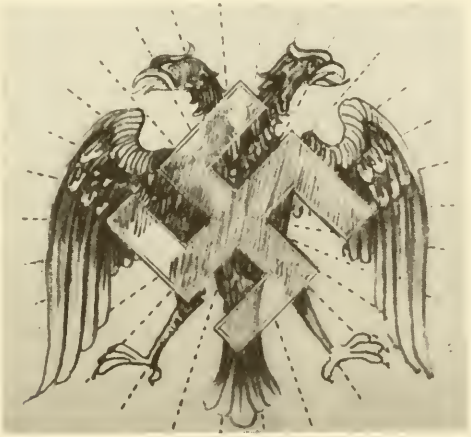

Рис. 35.

Он совершенно ясно выступает на 250-ти рублевках 1917 года. Он трижды повторен на банктнотах в 5.000 рублей — крупно в центре и меньше по бокам под цифрами выпуска 1918 года. Он, наконец, начинает доминировать на всех «деньгах», выпускаемых аршинными лентами и уже не стоющими ничего. Появляются его варианты: — с кантом, без канта, с заштрихованной поверхностью, с прозрачной поверхностью, просвечивающей общий фон. Художники Монетного двора явно сулят ему государственное будущее. Откуда взялся этот симол? Что он должен знаменовать? Кто утвердил его на государственных банктнотах новой парламентарной России? И не есть ли это последнее чудо в четырехсполовинном вековом ряде чудес провидчества Русского Орла? Из загробного мира, с «того света», в трагические дни всероссийского помутнения слетает этот пророческий глагол!

Ошиблись ли «пророки»? Нам не ведомо. Пророки пророчествовали о России. Ее не стало. Новое государственное образование отреклось от ее Имени и стало под знак Серпа и Молота. Но кто знает, что будет, когда сокрушится кровавая абракадабра буквенной формулы «СССР» и на ее месте вновь воссияет тысячелетнее имя «РОССИЯ».

Вот почему, в самом начале этого образа, мы привели афоризм об алхимиках и астрологах. Кто они, эти графики, которые сидели, в эти дни всероссийского пожара, на Монетном дворе или в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг? Мы случайно знаем несколько имен: Костенко, Лущинский, Нарбут, Солодовин, позже Чехонин — автор Советского герба. Что скажут нам эти имена? Что это за люди? Что может быть известным о них более, чем их обычная биография и их графическое мастерство? Чья же высшая, надмирная рука водила рукою художника, когда он, в неведомом ему самому трансе, творил этот последний образ? И только будущее, вероятно уже недалекое, покажет нам было ли это пророчеством и если пророчеством, то в какой форме!

Рассматривая историю Русского Орла, мы пытались догадаться откуда произошли и что знаменовали такие неожиданные атрибуты, как Единорог, Яблоко, Сосна, Цветочки и т. д. Вошедший в последнего русского Орла знак Свастики должен быть также нами объективно рассмотрен и даже еще пристальней, чем другие эмблемы, потому что с ним у наших современников связаны представления не совсем отвечающие действительности. Для современников пятидесятых годов XX столетия, переживших чудовищную трагедию величайшей

войны, может казаться сейчас отталкивающим знак Свастики, как знак исключительно принадлежащий рухнувшей Империи Адольфа Гитлера. Под этим знаком Европа видела ураганы огня, смерти, разрушения и невыразимых страданий.

«Hackenkreuz» стал ненавистным. Но для историка, исключающего из своего мышления все субъективные переживания и чувства, знак Свастики отнюдь не является чем-то монопольно-принадлежащим непременно национал-социальной идее германской политики Гитлера.

Знак Свастики (по-санскритски — «Souastik») — есть древнейший символ арийского человечества, культивировавшего в своем религиозном творчестве так называемые «СОЛНЕЧНЫЕ» религии, в отличие от религий семитических, так называемых «ЛУННЫХ». В этих солнечных религиях принимался дуалистический принцип, т. е. два, борющихся между собою, начала — Добро и Зло, Свет и Тьма, Бог и Дьявол. И начало положительное обозначалось этим символическим и магическим знаком. На древних архитектурных памятниках Индии, Цейлона, Персии, в окультных монастырях Гималаев, на развалинах Экбатаны, даже в орнаментике древней Греции — всюду встречается этот Солнечный знак. Археология может поручиться по крайней мере за 3.000 лет его существования. Кстати, отметим вскользь, что и Двуглавый Орел не есть прерогативное изобретение Византии, а существовал еще лет за 400 до Р. Х. По крайней мере такое изображение можно видеть сейчас на уцелевшей стене древнейшего храма Анарадхапуры на Цейлоне.

Арийские народы Европы также знают Свастику с отдаленнейших времен своей истории. В рунах древней Скандинавии знак этот обозначал Добро, Правду, Радость, Свет, а также и Победу. Наконец в славянской мистике знак этот тоже играл первенствующую роль среди всех других магических и символических знаков. Раскопки древнейшего славянского храма бога Ругевита на острове Рюгене, а также среди славянских поселений в долинах рек Лабы, Одера и Эльбы обнаруживают алтарные фундаменты неизменно освященные этим сакральным знаком. В России знак этот, занесенный Варягами, получил широкое распространение на тиснении металлических окладов икон, на вышивках плащаниц, на каменной резьбе храмовых порталов, на старом оружии (особенно на Кавказе) и т. д... Серебряный иконостас, построенный радением Войска Донского для Храма-Памятника, воздвигнутого

к торжествам столетнего юбилея победы над Наполеоном под Лейпцигом в 1813 г. — весь покрыт этим знаком.

Нужно ли еще приводить примеры для того, чтобы доказать, что Свастика отнюдь не является монополией Германии, а тем менее Адольфа Гитлера. Право на нее принадлежит всем арийским народам и появление ее в русской государственной геральдике отнюдь не является чем-то необыкновенным. Для основной линии нашего исслдования необыкновенным является то, что появление ее сквозь опустошенное тело Орла как бы знаменует выступление этого знака на *замену*. Ибо, как мы уже установили, Орел, предсказавши своей формой последнюю революцию, сам умер. Эволюционировать в новой форме государственности он уже не мог, так как исчезло само государство, переменившее не только весь свой идеологический, моральный социальный и бытовой уклад, но и отказавшееся от свего тысячелетнего имени. Это государство избрало эмблемой своего представительства бездушные и примитивнейшие инструменты серп и молот. И только за уходящей тенью Орловой, за его бесплотным телом, за его жалким призраком блеснула вдруг в лучах солнца священная Свастика, древний символ Добра, Правды, Света и ПОБЕДЫ!

Еще раз спросим себя — было ли это последнее явление пророческим или случайной, непонятной и ничем не оправданной фантазией художника? И по аналогии четырех с половиной веков сбывавшихся пророчеств нам трудно допустить такую резкую, такую необычайную и такую фантастическую ошибку.

Попробуем здесь снова строить некую философию. Она может быть примерно такова: Орел, характеризовавший государство был символом ДНЯ — Света, Полета. Орел существо *дневное*. Его глаза могут не мигая смотреть на Солнце. Умирая, он *завещал* свое историческое наследие сородному ему *дневному* СОЛНЕЧНОМУ символу. Но государство стало под знак ЗВЕЗДЫ, символ НОЧИ и пророчество не нашло точки приложения. Однако мы уже раньше говорили, что для мистиков хронология, как и вообще самоощущение времени не имеет формального значения. Если России суждено в будущем уйти из под знака Звезды и снова стать под знак СОЛНЦА, то, кто знает, не сбудется ли тогда это пророчество.

Одно несомненно, что победив тьму, новый символ непременно будет включать в себя торжество Добра над Злом, Жизни над Смертью, Бога над Дьяволом!

Неисповедимы пути и предначертания Господни и многое скрыто от взоров нашего предвидения. Логика геральдической мистерии нарушена и всяким гаданиям и толкованиям открыт бесконтрольный простор. Вся история России показала изумительную способность вечного возрождения, вечного попрания смерти, неизменного торжества Воскресения. И последний бесплотный Орел может найти себе и иное толкование, чем то, что было ему дано. И в этом толковании он может рассматриваться не обязательно, как «призрак из царства теней», но как бесплотный ДУХ, вечно живущий и вечно готовый воплотиться в тело, если это тело станет достойным обиталищем Его.

Романовская Династия, вознесшая Россию до высот величайшей Империи, зачалась в Ипатьевском Монастыре. Незамолимым злодеянием она закончилась в Ипатьевском доме. Вековой круг замкнулся в мистической точке. Но не иссякла династия и именно мистическое замыкание круга может рождать мистическую надежду, что придет день, когда бездушные инструменты серп и молот, вырванные из рук узурпаторов и очутившись в руках прозревшего наконец народа, разрубят мистический узел и круг развернется в новую историческую спираль, ведомую достойным отпрыском старой династии.

И второй такой же мистический круг мы видим в последней форме Орла. От Софьи Палеолог зачался он. Черным, плоским, орнаментальным силуэтом прилетел он на русскую землю. И земля эта налила его плотью, дала ему жизнь, насытила его динамикой, с которой он 445 лет на крылах своих нес судьбы России. Не странно ли, и не знаменательно ли, что после всех своих необычайных трансформаций, он, хотя бы и в виде прозрачной и бестелесной тени, замкнул свой круг в такой же мистической точке, вернувшись своей формой к первичному, тоже бестелесному, орнаментальному Орлу. Если не совсем точно, то во всяком случае столь же схоже, сколь схожи имена Ипатьевского монастыря и Ипатьевского дома. Что это? Новое совпадение или новое мистическое указание? И если в этого Орла входит гадательный знак Свастики, то, может быть, не как символ СМЕНЫ, как мы предположили ранее, а как символ нового ОДУХОТВОРЕНИЯ, несомыми им значениями — ПРАВДОЙ, ДОБРОМ, СВЕТОМ и БОГОМ. Ибо великими страданиями и великой ложью покупается великое очищение и великая Правда.

Судьбы России в русских руках. И если общим волевым усилием русский народ снова вернется на пути Света, то не будет у него другого символа, как древний, вечно-живой, преображенный новым духом, могучий и парящий *Двуглавый Орел*. Этому мы получили неоспоримое доказательство во всех трех Орлах, которые взлетали в разных местах России во дни ее анархии и гражданской войны. Три наиболее значительных фронта возникли на периферии России для спасения ее от коммунизма — Северо-Западный, Южный и Восточный-Сибирский. Правители всех «Белых» территорий выпускали свои денежные знаки. И у всех неизменно появлялся *Двуглавый Орел*. Но как разны эти Орлы! Ни один из них не вернулся к только что отлетевшей форме старого. Каждый из них нашел для себя новое выражение, черпая его в преемственности традиции.

Мы не будем анализировать их. Мы приведем только начертание
некоторых, предоставляя читателю самому поискать каких-нибудь выводов.

А.

Банкнот в 500 рублей
Восточного фронта

Б.

Банкнот в 1000 рублей
Сев.-Западного фронта

В.

Банкнот в 1000 рублей Южного фронта.

Настоящий очерк был бы не совсем закончен, если бы мы не остановились еще на тех многообразных вариациях, которые сделала старая русская эмиграция в смысле символических изменений Орла. Имела ли эмиграция право на это? Кто бы посмел иронически усмехнуться на тех, кто, в трагических условиях, покидая свою Родину и бросая все, увозил с собой старую икону или горсть русской земли. Эти люди, четыре десятилетия разбросанные по всему миру, среди чужих народов, бережно и свято хранят свою *русскость* и учат детей своих также свято хранить ее. Они, эти люди, рассматриваемые денационализировавшимися либералами и космополитами, как упрямые консерваторы и внежизненные реакционеры, продолжают все же считать себя носителями той России, которой на географической карте уже нет и необъятные просторы которой перечеркнуты кровавыми буквами СССР. Но сохраняя в душах своих Россию, они творят свою зарубежную жизнь под знаком своего исторического Русского Двуглавого Орла. Орел умерший там, оказался живым здесь! И, как живой, он снова оказался подверженным и сознательным и подсознательным видоизменениям. Эти видоизменения указывают на то, что люди, становящиеся под сень Орлову, не безразличны к его форме и ищут в ней отражения своим чаяниям.

Наиболее консервативные и педантично-традиционные организации, не говоря уже о монархических, удержали для своих эмблем старого Российского Орла Императоров Александра III—Николая II. Более независимые от буквы традиции, удержав форму последнего Орла, оделили его различными новыми атрибутами. У некоторых, например, на груди снова появился Крест, как при Императрице Елизавете Петровне. Старая Императорская Организация Красного Креста сделала Орла синим, поместивши на грудь белый щит с красным крестом. Союз Георгиевских Кавалеров перекрестил

грудь Орлову Георгиевским Крестом. Союз Моряков — Крестом Андреевским. Технические организации дали в лапы Орлиные молотки и топорики, как знак технократии. Союз Инвалидов, опустив Орлу крылья, включил его в терновый венец... и т. д., и т. д. Над главами снова начали воздвигаться то шапки Мономаховы, то лавровые венцы, то просто ленточки и т. д. В лапах, почти единодушно, однако, без всякого взаимного сговора, но общим сознанием, эмиграция помещала крест и меч. Один из наиболее осмысленно-эволюционных Орлов взяла для себя организация политическая, существовавшая в Германии до ее крушения. Это Российское Национальное и Социальное Движение. Находясь в политическом блоке с дальневосточными «фашистами», она взяла для себя Орла в упрощенно-схематизованной форме, приближающейся к Орлу Петра Великого. Самое неожиданное в этом Орле — знак Свастики, помещенный в хвосте, т. е. руле полета. Сознательно или бессознательно произошло это, но соединение Орла со Свастикой сродпило эту эмблему с тем последним Орлом, который промелькнул над русской землей, прорезываемый лучами Свастики. Нам незачем останавливаться на всяких иных вариациях Русского Орла в эмиграции. В основной мысли нашего исследования для нас достаточно того, что Орел, эмигрировавший вместе с нами от серпа и молота, остался здесь жив и, как живой, способен к переменам своего лика.

Донесем ли мы или дети нашего Орла до просторов нашей Родины, нам не ведомо. Но нам твердо ведомо одно: — во всех кандалах, во всех насильственных уборах, во всех противоестественных искаженных масках была, есть и будет *жива РОССИЯ* и врата ада не одолеют ее!

*
**

Прочтя этот очерк, читатель вправе задать вопрос — «Что это, Алхимия, Астрология или просто Фантазия?» К слову «фантазия» еще часто, чтобы умалить ее значимость, прилагают эпитет «беспочвенная». Да, фантазия, отвечает автор. Но, во всяком случае, не беспочвенная, ибо если фантазией является субъективное или интуитивное толкование Орлов, то самые Орлы есть твердая историческая *реальность*.

445 лет на глазах у всей России совершались самые необычайные, самые фантасмагорические превращения Орла. Можно ли отнести это только к какой-то произвольной случайности? Как отнестись к тому факту, что никто из историков

до сих пор не обратил внимания на закономерность периодически-повторяющегося явления? Случайность — можно не объяснять. Повторяемость «случайности» уже переводит ее в категорию явлений, требующих поиска причин и анализа следствий. Автор не нашел иных причин, как только те, что лежат в метафизическом плане. Отсюда — Фантазия! Но если отвергнуть фантазию эту, то для объяснения конкретного явления придется выдумать фантазию другую. Будет ли она более аргументированна, чем первая?

Автор не претендует на полноту знаний в этом вопросе. Но, занимаясь сбором материала по этому поводу, он только однажды натолкнулся на небольшую тетрадь академика Солнцева под заглавием: «Русский Двуглавый, Государственный Орел». Увы, в этой тетраде было дано точное описание Орла последнего царствования Императора Николая II в том виде, как это внесено в Свод Законов Российской Империи, Том I, Часть I, высочайше утвержденное Императором Александром III. В этом описании нет никаких комментарий. Подробность его, от приведенной в настоящем очерке, отличается только тем, что точно описаны гербы составных частей Империи, помещенные в щитах на крыльях Орла.

Для дополнения настоящего очерка — вот они (слева направо и сверху вниз):

Царство Казанское: Черный дракон с золотыми клювами и красными крыльями на белом фоне.

Царство Польское: Одноглавый белый орел на красном фоне.

Царство Херсонеса: Двуглавый орел со щитом на груди, в котором эмблема Крыма — вертикальная полоса, покоющаяся на полосе горизонтальной и перекрещенная выше, второй, более короткой полосой.

Соединенный Герб Великих Княжеств Киевского, Владимирского и Новгородского: Вписанный в щит треугольник, в котором доминирует Владимиров Трезубец, а по бокам эмблемы других княжеств.

Царство Астраханское: Царская корона с татарским мечом на лазоревом фоне.

Царство Сибирское: Горностаевая мантия на белом фоне.

Царство Грузинское: Георгий Победоносец в серебряных доспехах на черном коне. Фон желтый.

Великое Княжество Финляндское: Золотой лев с двумя мечами и 8-ю золотыми звездами на красном фоне.

Вот все, что можно почерпнуть в описании узаконенного Орла из тетради академика Солнцева. Если бы кто-нибудь пожелал искать расшифровки символов этих поместных гербов, то ему пришлось бы опуститься в дебри не только истории, но и мифологии, чтобы ответить на вопрос, что значат и что символизируют крестовидные полосы Крымского герба, 8 золотых звезд Финляндского, трезубец Киевского и т. д.

Во все эти догадки неизбежно вплелась бы фантазия, интуиция и вся прочая «алхимия и астрология», что так изобильно наполняет настоящий очерк. Однако, автор в самом начале своего описания определенно сказал, что в своем толковании он не претендует более, чем на *гипотетическое* значение. Всякая гипотеза подлежит критике, проверке, сопоставлениям и дополнениям, прежде чем она сможет перейти в теорию, или вообще в непреложно-установленный факт.

Поэтому автор будет очень рад, если заинтересовавшиеся этим вопросом историки, вооруженные более полным материалом, — чем автор, которому, в условиях эмиграции, удалось собрать путем случайных находок, — исправят возможные и, вероятно, неизбежные ошибки и дополнять этот труд новыми данными, могущими вызвать новые толкования.

За всякую присланную ему конструктивную критику и указани яавтор заранее выражает свою благодарность.

Владимир НОВИКОВ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Авторъ настоящей книги Капитанъ Владиміръ Саввичъ Новиковъ скончался 21 августа 1964 года въ г. Наякъ (Америка).

Воздадимъ ему посмертную честь, славу и благодарность.

Главное Правленіе проситъ соотечественниковъ выполнить пожеланіе автора объ указаніи на случайныя ошибки, о дополненіи его труда новыми свѣдѣніями, а также подѣлиться своими мыслями и чувствами, родившимися при чтеніи книги.

Все относящееся къ этой просьбѣ, направлять по адресу:

Fédération Mondiale des Invalides Russes.
3,rue Adolphe-Chérioux. Issy-les-Moulineaux (Seine), France

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

CR612
.N6

Изданіе Зарубежнаго Союза Русскихъ Военныхъ Инвалидовъ
3, rue Adolphe-Chérioux. Issy-les-Moulineaux (Seine). France